

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

ГОСТИНИЦА
«ОГНЕННОЕ КОЛЕСО»

Золотой век английского детектива

Патриция Вентворт

Гостиница «Огненное колесо»

«Издательство АСТ»

1951

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Вентворт П.

Гостиница «Огненное колесо» / П. Вентворт — «Издательство АСТ», 1951 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-145343-5

От старой гостиницы, возвышающейся на скале, веет тайной. «Огненное колесо» – в недалеком прошлом прибежище пиратов и контрабандистов – теперь становится ареной неожиданного убийства. Станным образом собравшиеся здесь потомки покойного хозяина гостиницы в шоке, полиция в тупике, и только мисс Мод Сильвер способна пролить свет на это загадочное преступление.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-145343-5

© Вентворт П., 1951
© Издательство АСТ, 1951

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Патриция Вентворт

Гостиница «Огненное колесо»

© Patricia Wentworth, 1951

© Перевод. О. Постникова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Глава 1

Джейн Хирон сделала несколько плавных грациозных шагов, повернулась и медленно обошла круг смотревших на нее женщин. Шел модный показ Клариссы Харлоу, и Джейн продемонстрировала платье под названием «Больше Не Вздыхай». Выше талии в нем не было ничего особенного, лишь несколько переливчато-опаловых складок, зато юбка смотрелась исключительно из-за нового и необычного покрою. Она была сшита из невероятного количества ткани и подчеркивала стройность в талии, но во время танца все эти складки взлетали и кружились, словно веер из водяных брызг. Непринужденным движением Джейн подняла руки вверх и сделала несколько плавных па вальса. Юбка взлетела. Сидевшая неподалеку дама ахнула. Другая сказала:

– Божественно! Но нет, я не должна, не должна.

Миссис Левингтон обратилась к миссис Харлоу через всю комнату громким хрипловатым голосом:

– Я беру это платье, но вы не должны продавать никому его копию в течение трех месяцев.

Затем она кивком подозвала к себе Джейн:

– Подойдите, я хочу посмотреть, как оно застегивается.

Джейн подошла с любезным и послушным видом, который составлял часть ее работы. Про себя она подумала, что платье будет узко миссис Левингтон как минимум на четыре дюйма. Она не была толстой, но обладала плотным телосложением с широкими плечами и массивными бедрами. По-своему красивая и статная – для любителей такого типа фигуры. Джейн к ним не относилась.

Ее не касалось, кто покупает платья Клариссы Харлоу, которые всегда будут недоступны для нее самой. Она демонстрировала их потому, что благодаря ее прекрасной фигуре цена на них поднималась как минимум на четверть.

К ним с деловым видом подошла миссис Харлоу – проворная и элегантно одетая.

– Прекрасно, миссис Левингтон. Вы можете прийти на примерку завтра в десять тридцать. Нет, боюсь, другого времени я предложить не могу – у нас все расписано.

Безразличие, граничащее с грубостью, было ее характерной чертой; она словно говорила: «Хотите – берите, а не хотите – как хотите; у нас есть клиентки и получше». Поразительно, как клиентки это проглатывали; проглотила и миссис Левингтон – она кротко согласилась прийти в назначенное время. Джейн отпустили.

В раздевалке было полно девушек, повсюду лежала и висела одежда. Когда Джейн вошла, одна из девушек как раз выходила – красивая блондинка в тонком черном дневном платье, невероятно изысканном благодаря покрою и искусной драпировке юбки. Джейн сняла с себя «Больше Не Вздыхай» и аккуратно повесила его на вешалку. Ей казалось, что ни в какой другой одежде она не будет больше так хорошо выглядеть. Красивой у нее была лишь фигура, а лицо было слишком маленькое и бесцветное. Глядя на себя в зеркало, она видела милые серые глаза и густые темные волосы – вот, пожалуй, и все, что можно было сказать о Джейн Хирон, помимо фигуры. Фигура же была безупречна, стройная без излишней худобы и пропорциональная. Джейн высоко ее ценила, и вполне справедливо, ведь эта фигура обеспечивала ей крышу над головой и средства к существованию. Кроме того, фигура была послушная, не из тех, с которыми нужно носить. Джейн знала, что некоторые девушки ежедневно со страхом измеряют объем бедер и даже не глядят на картошку и сливочное масло. С ее фигурой о такой ерунде можно было не думать. Даже если бы она целый год ела шоколад и пудинги на сале, не поправилась бы ни на грамм. Кстати, на прошлой неделе Джереми подарил ей коробку шоколадных конфет.

Повесив платье, Джейн стала одеваться. Показ почти закончился, так что ей больше не придется выходить на подиум. Она надела темную юбку, натянула свитер и накинула пальто. Все вокруг одевались одновременно, так что ей пришлось поочередно стоять на одной ноге, чтобы сменить туфли для подиума на свои, темные. Остальные девушки тоже переодевались и при этом болтали без умолку.

Ей удалось на минутку протиснуться к зеркалу, где она надела маленькую темную шляпку-тюрбан в тон остальной ее одежде, и вот она готова – Золушка после того, как часы пробили полночь, с неприметными чертами, бледная, если не считать яркой помады. Помада была даже слишком яркая, но для показов приходилось краситься более броско. Джереми всегда смотрел на это косо и говорил, что цвет помады напоминает ему цвет почтовых ящиков. Ну и пусть, ей было все равно.

Джейн вышла на улицу, где стоял ледяной холод. Похоже, намечался сильный мороз. Она попрощалась с Глорией и Дафной и направилась в конец улицы. Иногда Джереми встречал ее там, но не сегодня, потому что неизвестно было, во сколько закончится показ.

Она повернула за угол, и вдруг в одном из дверных проемов замаячила его фигура. Она была рада увидеть его как раз в тот момент, когда она чувствовала себя покинувшей бал Золушкой. Он взял ее под руку.

– Не стоило тебе приходить.

Джереми Тэвернер ответил:

– Не говори ерунды. Как прошел показ?

– Проданы две вещи из тех, что я демонстрировала, так что мои акции растут.

– Все те же ужасные женщины?

– Не все они ужасные.

– Не знаю, как ты это терпишь.

– Ну, полагаю, любая другая работа, которую я могла бы выполнять, нравилась бы мне гораздо меньше.

– Например?

– Продавщица, няня, компаньонка...

– Есть много других профессий для женщин.

– Дорогой, у меня нет для них образования.

– Не называй меня «дорогой»! – недовольно пробурчал Джереми.

– Я так сказала?

– Да. Мне это не нравится.

Она весело рассмеялась.

– Это же ничего не значит, люди всегда так говорят. Просто вырвалось.

– Именно поэтому! – рассердился он еще больше и довольно болезненно сжал ее руку.

– Дорогой, ты слишком крепко держишь меня под руку, – поморщилась Джейн и добавила другим голосом: – не будь гадким занудой; я хочу поговорить с тобой – правда хочу.

Хотя гадким занудой его называли тоном, сделавшим этот эпитет интимным и лестным, Джереми все еще злился.

– Не понимаю, почему тебя ничему не учили. Девочек ведь должны чему-то учить.

– Да, дорогой, но не меня. Моя мать вышла замуж за священника без гроша за душой, который витал в облаках, и они об этом как-то не подумали. У них никогда не было времени на то, чтобы думать хоть о чем-нибудь, потому что приход был слишком большой и слишком бедный. И они оба умерли, когда мне было пятнадцать, а меня забрал к себе дед и отправил в школу, где больше внимания уделяют манерам и совсем не беспокоятся о столь низменных вещах, как умение заработать на жизнь.

– Который из дедушек? – спросил Джереми другим тоном.

– Тот, который Тэвернер, отец моей матери, брат твоего деда, восьмой ребенок и шестой сын старого Джеремайя Тэвернера. Я знаю все семейство наизусть. Старшего звали Джеремайя в честь отца, дальше были Мэгтью, Марк, Люк, Джон, Эктс и две девочки, Мэри и Джоанна. Твоего деда звали Джон, а моего Эктс. И не встретиться мы с тобой полгода назад на скучнейшей вечеринке, мы бы и знать не знали о существовании друг друга.

Она придвинулась к нему, коснувшись плечом его руки.

– Знаешь, остальные шестеро, наверное, тоже оставили потомков, и я думаю, большинство из них точно видели это объявление и откликнулись на него. Мне так любопытно, какие они. А тебе?

– Крепкая, должно быть, у них вышла семейная ссора.

– Ну, не знаю... Бывает, что люди просто отдаляются...

– Не настолько. Мой дед часто говорил о своей близняшке Джоанне, но не думаю, что они когда-нибудь встречались. Знаешь, он был умный, получал стипендии и устроился на работу в одну из исследовательских лабораторий. Вот как получилось, что мой отец стал врачом. Он погиб в тысяча девятьсот восемнадцатом. Моя мать снова вышла замуж и уехала в Австралию, а меня оставила со стариком. Так что нас обоих вырастили деды. Ой, вон твой автобус!

Они припустили бегом и успели втиснуться в автобус, но продолжать разговор было невозможно. Джейн повезло, этот автобус делал остановку в конце улицы, на которой она жила. Когда они вышли, им оставалось лишь перейти дорогу и пройти примерно треть улицы Милтон-Кресент до дома № 20.

Джейн отперла дверь своим ключом и по трем лестничным пролетам повела Джереми наверх, в мансарду. Мансардных комнат было две, раньше в них жили горничные, а еще там была кладовка и ванная. Джейн занимала обе комнаты и называла их «моя квартира». В задней комнате была гостиная. При включенном свете и задернутых шторах у Джейн всегда захватывало дух, потому что выглядела комната совершенно неожиданно. Там стояло старое бюро из ореха и два стула в стиле времен королевы Анны с сиденьями, обитыми китайской парчой. Над бюро висело оправленное в орех зеркало, увенчанное фигурой беркута. На полу лежал великолепный персидский ковер, на удобном диване высилась горка разноцветных подушек. Владелец странного имени мистер Эктс Тэвернер начинал как поставщик подержанной мебели, а затем стал владельцем антикварной лавки, которая доставляла ему массу удовольствия, не принося при этом особого дохода. Стоявшую в комнате мебель Джейн удалось спасти от продажи с молотка.

– А теперь, – сказала она, отвернувшись от окна, – будь ангелом, поставь чайник. До смерти хочется чаю. А потом я покажу тебе, что я получила сегодня утром.

Джереми зажег газовую конфорку.

– Я знаю, что ты получила – ответ от абонентского ящика номер триста чего-то там, потому что я получил такой же. Я принес его, чтоб показать тебе.

Они сели рядом на диван, и каждый достал лист глянцевой белой бумаги. На обоих письмах сверху значилось «Абонентский ящик 3039». Одно письмо начиналось словами «Уважаемый сэр», другое – «Дорогая мисс». В письме, полученном Джейн, говорилось:

«Ваш ответ на объявление, приглашающее потомков умершего в 1888 году Джеремайи Тэвернера связаться с вышеуказанным абонентским ящиком, получен и содержание его принято к сведению. Будьте любезны сообщить мне дату смерти Вашего деда Эктса Тэвернера, укажите, ясно ли вы его помните и насколько близкими были ваши отношения».

Не считая разных имен, оба письма были одинаковы. Джейн и Джереми разглядывали их, нахмурившись.

– Не пойму, к чему он ведет, – наконец нарушил тишину Джереми.

– Может, он пишет историю семьи.

– Зачем?

- Не знаю. Некоторые ведь этим занимаются. Давай ответим, тогда, может, и узнаем. Он нахмурился сильнее.
- Слушай, давай я напишу.
- Джереми, какое занудство!
- Я не хотел, чтобы ты отвечала на это объявление.
- Я знаю, ты уже говорил.

Джейн вскочила и начала доставать чайный сервиз: пузатый заварочный чайник в стиле королевы Анны, две чашки с блюдцами из вустерского фарфора (одна из них разбитая и снова склеенная), глянцевый темно-синий молочник и очаровательную чайницу, разрисованную пасторальными сценами.

- Чего же он хочет? – протянул Джереми.
- Собрать всю семью, дорогой, всех наших кузин и кузенов. Возможно, некоторые из них окажутся приятными людьми. К тебе-то это не очень относится, мой милый.

Он подошел к ней и встал рядом с очень важным видом.

- Я думаю, тебе лучше этим не заниматься. Я напишу, если хочешь.

Джейн подняла глаза, в которых явственно читалось упрямство.

- Ты, наверное, не слышал, как я сказала: «Какое занудство!»
- Джейн...
- Ладно, скажу еще раз: занудство, занудство, занудство, тоска зеленая.
- Она сделала шаг назад и притопнула ножкой.
- Ты ведь не хочешь, чтобы я вышла из себя?
- Не знаю...

Искорки в глазах вдруг спрятались за темными ресницами, бледное лицо слегка порозовело.

- Я слишком устала. – Затем вдруг изменившимся тоном Джейн добавила: – Ох, Джереми, не будь таким противным.

Глава 2

Худобой и внимательными ехидными глазами Джейкоб Тэвернер напоминал мартышку. Кожа его загорела и стала сухой после многочисленных смен климата. Волосы он не растерял, и благодаря то ли везению, то ли умелому обращению их почти не тронула седина. И он их не красил; ни один парикмахер не взял бы на себя ответственность за этот странный оттенок сухой травы. Рост в пять футов шесть дюймов стал меньше на дюйм. Руки и ноги были тонкими и напоминали паучьи лапки. Он носил одежду, в которой обычно хоронят бродяг или миллионеров. Он был не совсем миллионер, но шел к этому и сейчас как раз встретился со своим поверенным мистером Джоном Тейлором, чтобы сделать распоряжения касательно собственности. Не то чтобы он собирался умирать – вовсе нет; однако, сумев за свои семьдесят лет насладиться множеством разных вещей, теперь он намеревался позабавить себя еще одной возможностью, всегда казавшейся ему такой увлекательной: составить особое завещание.

Мистер Тейлор, знавший его уже сорок семь лет, был не настолько глуп, чтобы пытаться препятствовать этому последнему из многих других дел, которыми увлеченно занимался его клиент. Иногда он говорил: «Разумеется», иногда: «Я бы рекомендовал вам как следует это обдумать», а иногда и вовсе молчал. В таких случаях Джейкоб Тэвернер тихонько посмеивался, и ехидство в его глазах разгоралось ярче. Молчание подразумевало неодобрение, и когда Джон Тейлор не одобрял его, Джейкоб чувствовал, что одержал верх, потому что Джон Тейлор был воплощением респектабельности среднего класса; а когда появлялась возможность слегка шокировать эту респектабельность, Джейкоб всегда с наслаждением ею пользовался.

Они сидели за столом в кабинете друг напротив друга, Джон Тейлор писал. Он был приятной округлой комплекции, и все в нем было очень опрятным, включая блестящую лысину с небольшой аккуратной каймой седых волос на затылке.

Джейкоб Тэвернер откинулся в кресле, засунул большие пальцы в карманы жилета и рассмеялся.

– Вы знаете, что я получил пятьдесят ответов на мое объявление? Пятьдесят! – Он издал напоминающий карканье звук. – Как много в мире нечестных людей, верно?

– Возможно, у ответивших вовсе нет корыстных намерений. . .

Джейкоб Тэвернер надул щеки и внезапно фыркнул. Так он обозначил свое презрение к мнению поверенного.

– Тэвернер не такая уж распространенная фамилия, а если добавить к ней имя Джеремайя – представляете? «Потомки Джеремайи Тэвернера, умершего в 1888 году» – вот что я указал в объявлении. Я получил пятьдесят ответов, и половина из ответивших – обманщики.

– У него вполне могло быть пятьдесят потомков, – сказал мистер Джон Тейлор.

– Могло быть и сто, и двести, и триста, но среди них не было и половины из ответивших на объявление. У него было восемь детей, не считая четырех, умерших в младенчестве. Мой отец Джеремайя был старшим. Следующие пять сыновей – Мэттью, Марк, Люк, Джон и Эктс, и еще две девочки – Мэри и Джоанна. Мэри родилась четвертой, после Марка и перед Люком, а Джоанна и Джон были близнецами. Да, количество потомков могло быть большим. И знаете, именно поэтому мне впервые пришла в голову эта идея. Старый Джеремайя держал гостиницу «Огненное колесо» на прибрежной дороге к Ледлингтону, а до него хозяином был его отец. Оба они с головой окунулись в торговлю контрабандой и здорово на этом нажились. Они доставляли груз на берег и ловко прятали его в подвалах.

Джейкоб хмыкнул.

– Я помню, как он говорил об этом: «Мы их ловко дурачили». В общем, он умер в восемьдесят восьмом и оставил все имущество моему отцу, старшему сыну по имени Джеремайя.

Он соорудил гримасу, отчего его лицо стало еще больше походить на морду обезьяны.

– Ох, ну и скандал же был! Никто из братьев и сестер больше с ним не разговаривал и не имел с ним никаких дел и отношений. Он сдал гостиницу в долгосрочную аренду, деньги положил в карман и открыл новое дело – стал подрядчиком. На этом он заработал кучу денег, а я приумножил состояние; но из-за этой семейной ссоры я могу составить приличное завещание, лишь дав в газету объявление о розыске моей родни.

Мистер Тейлор смотрел на него с недоверием.

– Вы хотите сказать, что совсем ничего о них не знаете?

Джейкоб Тэвернер склонил голову набок и ухмыльнулся.

– Представляете?

– Нет, не представляю.

– Вам и не нужно. Я, знаете ли, все же выяснил кое-что. Некоторые из родственников вышли в люди, некоторые утратили положение. Кто-то умер в своей постели, а кто-то нет. Некоторые погибли в двух войнах. Я сопоставил то немногое, что мне было известно, с содержимым этих пятидесяти писем и худо-бедно их отсортировал. Итак, начнем. Мое поколение меня не интересует, большинство из них уже умерли. Что касается моих денег, то они им не нужны – они либо сами имеют достаточный доход, либо привыкли без него обходиться. В общем, мне они не интересны. Я ставлю деньги именно на следующее поколение, правнуков старого Джеремайя. Но вы понимаете, что, конечно, не все из них получают деньги. Я уже выбрал некоторых.

– Вы хотите сказать, что вы беседовали с ними?

– Нет. Я не хотел быть замешанным в этом лично, по крайней мере, сейчас. Вообще-то я позволил себе воспользоваться вашим именем.

– Это уж слишком, Джейкоб!

Мистер Тейлор выглядел явно раздраженным. Его клиент вновь издал странный, каркающий смешок.

– Переживете. Я вас ничем не скомпрометировал, просто пригласил тех, кого выбрал, прийти сюда на встречу с вами сегодня.

Джон Тейлор постучал по колену.

– На встречу со мной? Не с вами?

– Разумеется, не со мной. Я великий Аноним, по крайней мере, в том, что касается появления на публике. Вы можете назвать им мое имя, но я хотел бы взглянуть на них прежде, чем они увидят меня. Вы будете их опрашивать, а я спрячусь, – он дернул тощим локтем, – вон за той дверью. Буду слушать, оставаясь незамеченным. Поставьте девять стульев спинками к двери, и я смогу незаметно наблюдать через щелку.

Джон Тейлор подался вперед и совершенно серьезным тоном сказал:

– Знаете, Джейкоб, порой я в самом деле считаю вас сумасшедшим.

Ответом ему была гримаса и взрыв смеха.

– Мой дорогой Джон, я хорошо плачу вам за то, чтобы никто другой так не считал. К тому же это неправда. Я просто сохранил молодой задор, а вы стали ретроградом. Мне нравится развлекаться и подшучивать над всеми. У меня полно денег. Что с них толку, если не тратить их на то, что меня веселит? Я хочу развлечься, вот и все. А теперь позвольте мне перейти к сути дела и рассказать вам о людях, которые придут сегодня, чтобы с вами встретиться.

Мистер Джон Тейлор поджал губы, придвинул к себе лист бумаги и взял хорошо заточенный карандаш. Всем своим видом он показывал готовность подчиниться, но с намеком на протест. Джейкоб вновь издал каркающий смешок.

– Все готово? Что ж, приступим. Джеффри и Милдред Тэвернер, внук и внучка Мэттью, второго сына Джеремайя. Они брат и сестра, обоим за сорок.

Джон Тейлор записал.

– Записали? Теперь следующий брат, Марк. Его внучка по женской линии – миссис Дьюк, зовут ее Флоренс. Миссис Флоренс Дьюк.

Джон Тейлор не ответил и просто записал «Миссис Флоренс Дьюк». Джейкоб поднял глаза к потолку.

– Четвертым ребенком Джеремайи была дочь Мэри. Вот тут наши дела пошли в гору. Она сбежала из дома, чтобы стать актрисой, и вышла замуж за графа Рэтли – он был из старинного рода, не слишком умен, без гроша в кармане, но с обветшалым замком в Ирландии. Родня Мэри была в полной растерянности: сначала она их опозорила, став актрисой, а потом запятнала репутацию, занявшись с мужем торговлей. Обе стороны друг друга недолюбливали, так что можно сказать, что они были квиты. Мэри умерла, а вместе с ней и титул – последний наследник по мужской линии погиб на войне. Но жива внучка, леди Мэриан Торп-Эннингтон.

Джон Тейлор быстро поднял глаза.

– Леди Мэриан...

Джейкоб кивнул.

– Леди Мэриан О’Хара, леди Мэриан Моргенштерн, мадам де Фарандоль, леди Мэриан Торп-Эннингтон.

– Мой бедный Джейкоб!

Джейкоб Тэвернер ухмыльнулся.

– Известная красавица, или была ею. Та еще штучка, судя по тому, что о ней говорят, с очень разнообразными вкусами в плане мужей. Она вышла замуж за Моргенштерна из-за денег (ни одна женщина не вышла бы за него по какой-то другой причине), а он ничего ей не оставил.

– Я помню, его завещание произвело сенсацию: он оставил все деньги благотворительным организациям и секретарше.

– Такое разочарование для кузины Мэриан. После этого она вышла за юного де Фарандоля, автогонщика, который разбился перед самой войной. От него тоже осталось не особо много денег. Сейчас она замужем за Фредди Торп-Эннингтоном, и доставшаяся ему от отца фабрика по производству маринованных овощей только что разорилась. Не очень-то ей везет. А теперь мы снова теряем былое положение и переходим к следующему сыну, Люку. Он оставил довольно много потомков. Вы бы не назвали его уважаемым: он стал бродягой и умер в работном доме. Но одна из его дочерей вышла замуж за носильщика на железнодорожной станции в Ледлингтоне, и у них родился сын. Я выбрал его. Его имя Альберт Миллер, но чаще его зовут Эл.

– Что побудило вас выбрать его?

Тон Джона Тейлора был умеренно заинтересованным. Как профессионал он был готов подтвердить всем посетителям, что Джейкоб Тэвернер не является сумасшедшим с юридической точки зрения. Человек, который сколотил состояние почти в миллион фунтов, может позволить себе быть эксцентричным. Но в качестве частного лица ему было интересно наблюдать, к чему приведет эта эксцентричность и как далеко заведет.

Джейкоб вынул из лацкана своего ужасного пиджака булавку и сделал ею несколько колющих движений в воздухе.

– Я написал имена на клочке бумаги, закрыл глаза и потыкал в них булавкой. Из каждой линии потомков мне нужны были лишь один-два человека. Булавка попала прямо в Эла с первой попытки, как раз в букву «М» в его фамилии, поэтому я его и выбрал. Это хорошая булавка. Знаете, сколько она уже у меня? Сорок пять лет. И всегда, когда я сомневался, я брал ее и колот, и она ни разу меня не подвела. Я лишь однажды ее потерял и чуть с ума тогда не сошел. Я уронил ее в своем кабинете, и все говорили, что не могут ее найти. Она выскользнула из пальцев, когда я втыкал ее обратно в пиджак, а они говорили, что не могут ее найти. Тогда я собрал их всех до единого и объявил: «Любой, кто найдет эту булавку – мужчина, женщина или ребенок, – получит десять фунтов. А если она не найдется, все будут уволены». Примерно через два часа приходит один мальчишка-умник и говорит, что нашел ее. Я взглянул

на булавку, что он принес, и сказал: «В моей конторе нет места дуракам. Можешь убираться и назад не возвращайся».

– И почему же он был дурак? И как вы узнали, что булавка не ваша?

Джейкоб хрустнул пальцами.

– Как вы отличаете своих детей от чужих? Когда вы живете с чем-то сорок с лишним лет, никто вас не обманет. А дурак он был потому, что принес мне новехонькую булавку из упаковки таких же новых. Решил, что он шибко сообразительный, а добился лишь увольнения.

– Но вы все же заполучили булавку обратно?

Джейкоб аккуратнo воткнул булавку в лацкан пиджака.

– Я заплатил за нее пятьсот фунтов одной юной шантажистке. Я бы и вдвое больше отдал. Девица думала, что облапошила меня, но я с ней поквитался. Никому еще не удавалось облапошить меня безнаказанно – никому. Это слишком длинная история, чтоб рассказывать ее сейчас. Итак, мы разобрались с потомками Мэттью, Марка, Мэри и Люка и добрались до близнецов, Джоанны и Джона. Сначала Джоанна. Судьба у нее интересная. Она вышла замуж за человека по фамилии Хиггинс, а ее дочь стала женой человека по фамилии Каstell – Фогарти Каstell, сына португальца и ирландки. Я выбрал внука Хиггинса – Джона Хиггинса; он плотник, а в свободное время еще и немного проповедник. А еще я выбрал Каstellов. Я сказал, что не стану выбирать представителей моего поколения, но они являются исключением, которое лишь подтверждает правило. Я выбрал их, потому что они могут быть полезны. Теперь номер седьмой, Джон. Я выбрал его внука, Джереми Тэвернера, кадрового офицера, капитана Джереми Тэвернера. Дальше номер восьмой, Эктс (старый Джеремайя брал все имена для детей в Библии¹) – я выбрал его внучку по имени Джейн Хирон. Она работает в ателье, надевает платья и прохаживается в них, а пожилые толстухи и тощие старые девы думают, что они будут выглядеть в этих платьях так же, как она. За сегодня вы по меньшей мере дважды назвали меня сумасшедшим, Джон Тейлор, но я не так безумен, как те женщины, что ходят на модные показы и покупают платья, надетые на девушку с фигурой, которой у них, вероятно, никогда не было и уж точно нет сейчас. Ну вот и вся компания. Я удаляюсь в соседнюю комнату. Вот вам семейное древо, чтоб не запутаться. Кстати, Каstellы не придут. У меня с ними личная встреча, так что они будут ждать в гостинице. А остальные должны вот-вот появиться. Любопытно увидеть, кто придет первым, вам не кажется? Может, это будет тот, у кого самые большие финансовые трудности; хотя иногда такие люди оказываются гордецами. Бедность, алчность, а может, и банальная пунктуальность – любая из этих трех причин может заставить их прийти сюда минута в минуту. А теперь расставьте стулья так, чтобы я мог все видеть и слышать, а сами расскажите и спрашивайте то, что я вам велел. А дальше каждый из них будет сам за себя.

¹ По-русски в библейском варианте имена звучат следующим образом: Джеремайя – Иеремия, Мэттью – Матфей, Марк – Марк, Люк – Лука, Джон – Иоанн, Эктс – Acts of the Apostles, Деяния Апостолов, эквивалентного имени в русском языке нет. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Глава 3

Юный клерк открыл дверь и объявил:

– Мисс Тэвернер.

Милдред Тэвернер заглянула в комнату с девятью пустыми стульями и вошла с видом ранней христианки, выходящей на гладиаторскую арену. Джон Тейлор, без всякого сомнения, своим видом не заставил бы трепетать и самую робкую мученицу, но мисс Тэвернер немедленно принялась что-то объяснять и извиняться. Так что вряд ли она заметила его круглое лицо, лысину и другие черты, которые могли бы оказать на нее успокаивающее действие.

– О боже, я не ожидала, что окажусь первой. Вы хотите сказать, что до сих пор никто не пришел? Я понятия не имела... То есть я ждала брата... Он позвонил и велел быть здесь точно в это время. Он ужасно раздражается, если его заставляют ждать, и я стараюсь этого не делать, но это так трудно. Если только мои часы не спешат – такое случается в теплую погоду, но не в такой день, как сегодня. И я знаю, что на пять минут опоздала, потому что, когда я выходила из дома, у меня порвался шнурок на ботинке, так что я не ожидала, что буду первой.

Она протянула Джону Тейлору мягкую безвольную руку, и тот заметил, что она надела разные перчатки – одну синюю, вторую черную с дырой на указательном пальце. Усаживаясь на стул, она уронила сумочку, из которой тут же вывалились ключи, расческа, маникюрные ножницы, флакон аспирина, три карандаша, пара смятых счетов и довольно грязный носовой платок. «О боже!» – пробормотала она и взволнованно принялась запихивать все обратно, не пытаясь аккуратно все сложить, так что сумка раздулась и не сразу закрылась.

Джон Тейлор с интересом наблюдал за этим представлением. Он надеялся, что Джейкобу хорошо видно. Сам бы он не остановил свой выбор на Милдред Тэвернер, но он не знал, с какой целью Джейкоб собирал этих родственников. На вид мисс Тэвернер было около сорока пяти лет. Она была долговязая и тощая, с вытянутой вперед шеей и неуклюжими руками. Светлые рыжеватые волосы напоминали волосы Джейкоба – по виду такие же ломкие, они торчали под странными углами из-под весьма неподходящей шляпы. Водянистые голубые глаза под бесцветными бровями на вытянутом бледном лице избегали его взгляда. Она была одета в темно-синий костюм с юбкой, который выглядел так, словно был с чужого плеча. Юбка висела сзади, а жакет задирался спереди. Шея была обмотана шерстяным шарфом в синюю и розовую клетку. Рассмотрев все это, Джон Тейлор вежливо улыбнулся и сказал:

– Что ж, мисс Тэвернер, отлично. Мы можем начать, пока остальных нет.

Он взглянул на семейное древо с именами детей и потомков Джеремайи Тэвернера.

– Мистер Джейкоб Тэвернер попросил меня провести небольшую беседу с каждым из вас. Вы потомок...

– Ах, да, моим дедом был Мэттью, второй сын. Самым старшим был Джеремайя, за ним Мэттью, Марк, Мэри, Люк, Джоанна, Джон, Эктс. Мэттью – наш дед, мой и моего брата Джеффри. Он был строителем-подрядчиком и очень преуспел – разбогател и пользовался большим уважением, хоть и был инакомыслящим; я-то, конечно, англиканка. Дед оставил хорошо поставленное дело, но моему отцу не повезло. – Она вздохнула и поправила шарфик. – После его смерти мы оказались в довольно стесненных обстоятельствах, поэтому я с подружкой открыла магазин рукоделия в Стритэме. Джеффри был недоволен, но что оставалось делать? На войну меня не призывали, так как у меня всегда было слабое сердце. Конечно, Джеффри очень умен, на государственной службе без этого нельзя.

Открылась дверь, и вошел Джеффри Тэвернер. Через предусмотрительно оставленную щелку в двери Джейкоб Тэвернер рассматривал своего кузена. Похож на сестру и в то же время нет. Оба были русоволосые и худые, обоим за сорок, но сестра выглядела неопрятной и неухоженной, а брата скорее можно было назвать красивым мужчиной. Он был на несколько лет

моложе. Она – сутулая, а он – с хорошей осанкой и элегантно одетый. Пока он шел к столу, выражение его лица сменилось с официально-любезного, обращенного к Джону Тейлору, на явно раздраженное, когда взгляд его упал на сестру. Она тут же принялась извиняться:

– Я была уверена, что ты уже здесь. Мне бы и в голову не пришло прийти одной, я очень огорчилась, узнав, что я первая. Конечно, как любезно заметил мистер Тейлор, кто-то должен быть первым, но я бы не стала входить; я ведь задержалась перед самым выходом и подумала, что опоздаю. Мои часы...

Джеффри Тэвернер сурово перебил ее:

– Твои часы вечно идут неправильно.

Он сел и обратился к мистеру Тейлору:

– Я не совсем понимаю, зачем нас попросили прийти сюда. Я ответил на объявление, в котором потомков Джеремайи Тэвернера, умершего в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году, просили написать на указанный абонентский ящик. После короткого обмена письмами меня и сестру пригласили сюда. Как я уже сказал, письма я отправлял на абонентский ящик. На полученных ответах не было подписи, и я хочу сразу заявить, что я желаю знать, с кем имею дело.

– Разумеется, мистер Тэвернер. Вы имеете дело со мной.

– И вы представляете интересы...

– Мистера Джейкоба Тэвернера, который является сыном Джеремайи, старшего сына Джеремайи Тэвернера.

Джеффри, казалось, обдумывает эти слова. Через мгновение он сказал:

– Что ж, я здесь. И что же дальше?

Джон Тейлор покрутил карандаш.

– Мой клиент сообщил, что вы подтвердили ваши личности.

– Да, он получил копии наших свидетельств о рождении и копию свидетельства о браке наших родителей.

– Мне поручено уточнить у вас еще кое-какие детали. Насколько я понимаю, вы внук Мэттью Тэвернера, второго сына Джеремайи.

– Совершенно верно.

– Вы его помните?

– Меня уже спрашивали об этом, и я сказал, что помню. Он умер, когда мне было примерно двенадцать лет. Сестра была старше.

– Я отлично его помню, – сказала Милдред Тэвернер. – У него был очень тяжелый характер, пока с ним не случился удар; после этого он стал гораздо более приятным человеком. Он рассказывал нам истории про старую гостиницу и угощал мятными леденцами из жестяной коробки – знаете, такие круглые и полосатые леденцы.

Юный клерк вновь открыл дверь, начал было что-то невнятно бормотать, но был отнесен в сторону. В комнате вместе с восхитительно-легким ароматом дорогих французских духов появилось нечто яркое. Нечто очень высокое, элегантно, женственное приближалось с рассеянной, но лучезарной улыбкой. Синие глаза с невероятными ресницами остановились на Джоне Тейлоре. Глубокий мелодичный голос произнес:

– Я должна представиться – леди Мэриан Торп-Эннингтон. Никто не разбирает эту фамилию с первого раза, и я совсем не удивлена. Я всегда говорю Фредди, что нужно убрать из нее какую-нибудь часть, но он говорит, что нельзя – а вдруг какие-нибудь родственники, которые могут оставить ему наследство, обидятся и вычеркнут его из завещания. Так что мне приходится все время объяснять и произносить фамилию по буквам. Торп заканчивается на «п», а Эннингтон пишется с двумя «н» в начале.

Она грациозно опустилась на стул.

– А теперь скажите же мне: это с вами я переписывалась?

Когда она отошла от двери, следом за ней в проеме появилась худощавая фигура. Это был мужчина, явно чувствовавший себя неуютно в неудачно скроенном синем костюме – слишком узком, слишком светлом и слишком броском. Заметив его, мистер Тейлор спросил наугад:

– Мистер Миллер?

– Верно, – сказал Эл Миллер.

В руке он держал кепку, которую все время крутил и теребил с такой силой, что казалось, вот-вот ее порвет. Он простоял у входа достаточно долго, чтобы Джейкоб Тэвернер смог заметить, что тот сильно нервничает, что волосы у него темные и слишком сильно набриолилены, что смуглое лицо с неправильными чертами блестит от пота, а галстук выглядит весьма плачевно. До Миллера вдруг дошло, что стоит он один, и он резко сел на край стула, достал яркий носовой платок и вытер лоб. В этот момент вместе вошли Джереми Тэвернер и Джейн Хирон. Джейкоб Тэвернер поморщился в своем укрытии. Он считал, что особой пользы от них не будет, хотя никогда нельзя знать наверняка. Если сначала не получается, пробуй, пробуй снова и снова. Они были самыми молодыми среди остальных. Он знал это, так как видел их свидетельства о рождении. Леди Мэриан было тридцать семь. Конечно, она на них не выглядела и не будет выглядеть еще лет десять, а то и дольше. Красавица, и еще какая – это он готов был признать. Прекрасный цвет лица благодаря макияжу, но очень хорошая кожа под ним. Красивые волосы – нечасто увидишь такой яркий каштановый оттенок. Хорошие зубы, не испорченные курением, как у каждой третьей женщины в наши дни. Отличная фигура с женственными изгибами. Ему нравились женщины с роскошными формами, но ей, подумал он, придется следить за весом после сорока. Он напел про себя:

Мало-помалу с возрастом
Расплывутся мои бока².

Элу Миллеру, наверное, около тридцати. Чувствует себя немного не в своей тарелке и к тому же потеет. Надо же, он и молодой Джереми Тэвернер – кузены; забавно, если задуматься. Красивый парень этот Джереми, к чести семьи. Ему двадцать семь... или двадцать восемь? Нет, двадцать семь. А девушке, Джейн Хирон, должно быть, двадцать два. Грациозная девушка, с отличной фигурой – без нее не станешь манекенщицей. Впрочем, в остальном довольно невзрачная: бледное лицо с мелкими чертами, алая помада, красивая посадка головы, темные волосы, скромная темная одежда.

Он наострил уши и услышал, как леди Мэриан сказала:

– Моя бабушка Мэри Тэвернер? Да, конечно, я ее помню. Говорят, что я ее копия. Она сбежала из дома, стала актрисой и вышла замуж за моего деда. В нашем доме в Рэтли висит ее портрет, и все говорят, что впечатление такое, будто для него позировала я.

Она оглядела комнату с лучезарной улыбкой, словно ждала аплодисментов. Открывший дверь Джон Хиггинс получил изрядную дозу этой лучезарности, и в его ярко-синих глазах появилось легкое смущение. Оглядывая комнату, леди Мэриан посмотрела прямо на него и улыбнулась, но сейчас смотрела в другую сторону. Она беседовала с сидящим за письменным столом джентльменом. Джон Хиггинс остался стоять на месте и ждал, пока она закончит. По комнате разнесся ее смех.

– Она была красавицей, и дед ее обожал. Но все равно она служит страшным предупреждением, потому что я помню ее в то время, когда она весила примерно шестнадцать стоунов³. И ей было на это плевать.

² Строки из комической оперы «Пейшенс, или Невеста Банторна» композитора Артура Салливана и либреттиста Уильяма Гилберта.

³ Английская мера веса, при измерении веса человека равняется 6,35 кг; таким образом Мэри Тэвернер весила около 100 кг.

Эти слова были полны драматизма.

– Конечно, это ужасно, совершенно ужасно. Ведь нет ничего лучше беспокойства, чтобы оставаться худой, но беспокойство так утомляет, правда?

Последнее слово прозвучало с легчайшим, едва заметным ирландским акцентом. Прекрасные глаза обвели слушателей, на этот раз в поисках сочувствия.

– Она никогда не умела беспокоиться, и я тоже не умею. Она дожила до девяноста лет, и, полагаю, я проживу столько же. Какие чудесные истории она мне рассказывала про свои годы на сцене!

Джон Хиггинс стоял на месте, смотрел и слушал. Он не смог бы выразить это словами, но, глядя на нее, он испытывал то чувство, которое возникает, когда весной солнце только-только начинает пригревать. Он не знал, что сказать, но можно ведь знать многое, не умея об этом сказать. Он молчал и неотрывно смотрел на нее своими синими глазами. Волосы у него были русые, густые, из тех, что невозможно пригладить никакими усилиями, так что они стояли торчком по всей голове. Ростом он был на пару дюймов выше остальных. Джейкоб, глядя в шелку, прикинул, что его рост шесть футов три дюйма, а у Джереми – примерно шесть футов и один дюйм⁴.

Мэриан Торп-Эннингтон еще продолжала говорить, когда дверь с шумом распахнулась. Вошедшая женщина казалась крупной и высокой даже рядом с Джоном Хиггинсом. У нее были красивые глаза, густые темные волосы и постоянный яркий румянец, который бывает так трудно скрыть. Она была все еще красива, но ее черты уже начали грубеть, а фигура – приобретать грузность. Одежда этого не скрывала: ярко-синий жакет и юбка, белое шерстяное пальто на подкладке из шотландки, яркий шарф в алую рельефную клетку и шляпа, которую можно безнаказанно носить только юным и стройным девицам. Женщина огляделась и сказала:

– Что, я последняя? Что ж, всем добрый день.

Она подошла к столу.

– Миссис Дьюк, Флоренс Дьюк – это я. Для друзей Флосс. Я внучка Марка Тэвернера, третьего сына старого Джеремайи. Он был клерком у поверенного. Много никогда не зарабатывал, но был очень добр к нам, детям. Два моих брата погибли на войне. Отец умер, когда я была совсем маленькой. Он, Уильям Дьюк, тоже был клерком, так что жили мы у деда.

Слова следовали одно за другим, как пузырьки, поднимающиеся в масле, не быстро, но без перерыва. Джейкоб подумал: «Эту женщину трудно остановить, если она решила что-то сказать».

Джон Тейлор задал ей тот же вопрос, что и остальным:

– Значит, вы помните деда?

– Помню ли я его? Конечно, помню! Я не знаю, что бы мы делали, если бы он не забрал нас к себе, потому что мать была очень болезненной. Я в детстве тоже была слабенькой, хотя, глядя на меня сейчас, этого не скажешь, верно? – Она рассмеялась грудным смехом. – Я была маленькой для своего возраста и такой худой, что казалось, меня ветром сдует. Но это лишь доказывает, что у всех есть надежда, правда?

Она вновь рассмеялась, продемонстрировав великолепные зубы. Вдруг лицо ее потемнело, она вскинула голову и сказала:

– Если вас смущает моя фамилия, то я рождена под фамилией Дьюк, как указано в списке, где мы все перечислены и который у вас, полагаю, есть.

– Да, – сказал Джон Тейлор. Ему стало интересно, что за этим последует.

Она продолжила глубоким, неторопливым голосом:

– Эллен Тэвернер была моей матерью, Уильям Дьюк – моим отцом, так что я родилась под фамилией Дьюк. И к этой фамилии я вернулась. Я вышла замуж, правда, неудачно, так что

⁴ 190,5 см и 183–185 см соответственно.

я вернула свою девичью фамилию, которой мне незачем стыдиться. Мой дед к тому времени умер, и я пошла работать в бар, чтобы себя прокормить. Никто не может сказать про меня ничего плохого, мне нечего скрывать. Сейчас у меня своя небольшая закусочная, и дела идут хорошо. – Она посмотрела на всех по очереди, не вызываясь, но с большой снисходительностью. – Вот так. Как по мне, лучше сказать все, что нужно, и поставить точку, тогда никто потом не сможет упрекнуть вас в том, что вы не были честны. Вот и все.

Она кивнула и улыбнулась Джону Тейлору, прошла и села между Джереми и Элом Миллером. К столу подошел Джон Хиггинс и назвал свое имя.

– Я получил письмо с приглашением прийти сюда.

У него был медленный, приятный деревенский говор. Брови над голубыми глазами были озадаченно сдвинуты. Джон Тейлор оглядел его с интересом.

– Совершенно верно, мистер Хиггинс. Кому именно вы приходите родственным?

Хиггинс сцепил огрубевшие от работы руки.

– Моя мать, сэр, Джоанна, была одной из близнецов. Джоанна и Джон, девочка и мальчик. Джоанна Тэвернер вышла замуж за моего деда, Томаса Хиггинса, старшего плотника в поместье сэра Джона Лэйберна. У них родились сын и дочь, Джеймс и Энни. Джеймс был моим отцом, так что вот с какой стороны я родня. А Энни вышла замуж за иностранца по имени Каstell. Вам эти сведения нужны, сэр? Не знаю, что еще вам рассказать, кроме того, что я тоже плотник, как мой отец и дед.

Джон Тейлор смерил его взглядом.

– Полагаю, вы служили на войне?

Голубые глаза прямо взглянули на него.

– Работы по разминированию, сэр. Мне разрешили заниматься этим, потому что убивать мне не позволяла совесть.

Он повернулся, прошел к последнему свободному стулу и сел рядом с Джейн Хирон. Мэриан Торп-Эннингтон улыбнулась ему, а затем с той же улыбкой оглядела весь ряд стульев.

– И все мы – кузины и кузены, – сказала она дрожащим от интереса голосом. – Ни один из нас ни разу прежде не видел остальных, но мы все кузены. Наши бабушки и дедушки были братьями и сестрами, а мы ничего друг о друге не знаем. То есть я хочу сказать, это же изумительно, правда? Такая тоска расти с родственниками, но как чудесно познакомиться с ними, уже будучи взрослыми!

– Думаю, некоторые из вас уже знакомы, – сказал Джон Тейлор. – Капитан Тэвернер, мисс Хирон, я думаю, вы знакомы, не так ли? Могу я теперь записать детали? Дамы вперед.

Джейн Хирон широко раскрыла серые глаза. Щеки ее слегка порозовели.

– Мой дед был самым младшим в семье, его звали Эктс.

Глава 4

Джейкоб Тэвернер начинал скучать. Он услышал достаточно – большей частью это была уже не новая для него ерунда. «Вашим дедом был Джон, вашей бабушкой – Джоанна, вы родственник с той, этой, другой стороны...» Скучно было, как на приходском собрании. Джон Тейлор оказался бесполезным, он вел дело без всякой стремительности, без огонька. Джейкобу захотелось вмешаться и расшевелить их по-своему. Он решил, что достаточно долго простоял за дверью, толкнул ее, вошел в комнату, встал перед рядом стульев и сказал:

– Представьте-ка меня, Джон.

Джон Тейлор сказал:

– Это мистер Джейкоб Тэвернер.

После чего Джейкоб прошел вдоль ряда и пожал всем руку. Некоторые руки были горячими, некоторые холодными. Милдред Тэвернер, леди Мэриан и Джейн Хирон были в перчатках. Флоренс Дьюк свои сняла и засунула в широкий карман. Джеффри, Джереми и Джон Хиггинс встали для приветствия. Эл Миллер неудобно сидел на краю стула и сказал: «Рад знакомству». Рука Джеффри была сухая и холодная, худая, но, возможно, сильнее, чем казалась на вид. Рука Эла Миллера была такой влажной, что Джейкоб не постеснялся вынуть дешевый коричневый носовой платок и вытереть пальцы, прежде чем протянуть их для приветствия Джереми Тэвернеру, чье рукопожатие оказалось непринужденным. Рука Джона Хиггинса была теплой, рукопожатие – крепким.

Джейкоб заметил все: и то, что перчатки у Джейн Хирон были весьма поношенные; и что на одной перчатке у Милдред Тэвернер дыра и правая отличалась по цвету от левой; что наряд Мэриан Торп-Эннингтон стоил уйму денег. Его бы весьма удивило, если бы он узнал, что она платит по счетам.

Покончив с рукопожатиями, он подошел к письменному столу и непринужденно сел у дальнего конца, так что, слегка повернувшись, он мог видеть всех присутствующих, от Джона Тейлора до Джейн Хирон. Сидя там, в проникающем в кабинет холодном и унылом дневном свете, он и вправду был поразительно похож на обезьянку шарманщика. Он болтал ногами, ссутулившись на одно плечо, и смотрел на них по очереди блестящими ехидными глазами. Под этим взглядом Милдред начала суетливо тянуть за нитку, которая на дюйм торчала из разорванного указательного пальца ее перчатки – слишком длинная, чтобы ее не замечать, и слишком короткая, чтобы оторвать. Эти глаза заставили Эла Миллера вновь стереть пот со лба. Позже Джейн Хирон сказала, что эти глаза заставили ее почувствовать себя животным в клетке, в которое тычут пальцем.

Оглядев их всех, Джейкоб наконец объявил:

– Ну, вот мы все и собрались. Готов поспорить, в нашем случае это «одно мышление во многих умах»⁵, как сказал поэт. И если вам интересно, где это я читал поэзию, я вам расскажу. Все всегда думают, что поэзия не по моей части. Но как-то раз я сломал ногу на коралловом рифе. Один тамошний торговец приютил меня, он был единственным белым на острове, а в его хижине была одна-единственная книжка под названием «Большой сборник поэзии Битона». Не спрашивайте, откуда он ее взял и почему хранил – сам он в нее ни разу не заглядывал. К тому времени, как я поправился, я знал ее почти наизусть. Я даже сам кое-что сочинял, так что можете представить, каково мне там было. А теперь вернемся к тому, с чего я начал. Сейчас вы все думаете: «Зачем он нас тут собрал?» и «Почему он не переходит к делу?».

Мэриан Торп-Эннингтон остановила на нем взгляд своих прекрасных глаз и сказала:

⁵ Искаженная цитата из стихотворения австрийского драматурга и поэта XIX века Фридриха Хальма «Mein Herz, ich will dich fragen», которое часто ошибочно приписывается поэту Джону Китсу.

– Но ведь вы сейчас к нему перейдете, правда? Потому что нам действительно крайне интересно узнать, зачем вы дали это объявление. Вы ведь нас не разочаруете? То есть, конечно, вы не обещали, что мы услышим что-то выгодное для нас, но мы, естественно, надеялись... И когда Фредди сказал, что все это окажется жульничеством, я ответила, что он самый недоверчивый человек на свете и что толку всегда ожидать худшего? Это так отвратительно, правда? Хотя, конечно, он сейчас ужасно ворчлив, бедняжка. Это из-за фабрики, вы знаете, – она в совершенно бедственном положении. И я не представляю, на что мы будем жить. Фредди говорит, что нам не на что будет купить хлеба, не говоря уж о масле. Поэтому он так и обеспокоен, мой бедный. Я-то не беспокоюсь, потому что какой от этого толк?

К моменту окончания этой речи все почувствовали, что у них прибавилось уверенности. На них словно пролилось тепло и сияние. Даже Элу Миллеру достался ее теплый взгляд и взволнованный голос.

Джейкоб Тэвернер дождался, пока она выговорится. Он наслаждался. Когда последнее слово замерло во всеобщем восхищенном молчании, он сухо заметил:

– Боюсь, заменить вам фабрику я не смогу. Однако...

Он сделал выразительную паузу, окинул всех быстрым насмешливым взглядом и продолжил:

– Мы скоро дойдем до этого.

Милдред Тэвернер, теребившая перчатку, оторвала наконец нитку, что привело к катастрофе: шов разошелся дальше. Она недовольно вздохнула и накрыла левую руку в порванной черной перчатке правой рукой в синей; именно синюю пару она и намеревалась надеть с самого начала, потому что черные уже никуда не годились, хотя их, конечно, можно было залатать и ходить за покупками по хозяйству. Заштопанная перчатка никогда не будет выглядеть как прежде.

Брат Джеффри посмотрел на нее холодным взглядом, призывающим к тишине.

Джейкоб Тэвернер продолжил:

– Я попросил вас всех прийти сюда, потому что хотел с вами познакомиться. Ваши отцы и матери были моими двоюродными братьями и сестрами, племянниками и племянницами моего отца, второго Джеремайи Тэвернера. Когда мой дед Джеремайя Тэвернер умер, произошла крупная семейная ссора, потому что он все до последнего гроша оставил моему отцу. Кто-нибудь из вас знает, почему?

Лицо Милдред Тэвернер залил яркий румянец цвета розовой промокашки.

– Это было ужасно несправедливо! – сказала она неестественно высоким голосом. – Мой дед всегда так говорил!

Эл Миллер покатавал в ладонях скомканный платок.

– Мой тоже. Он говорил, что это был совершеннейший позор.

Джейкоб скривил рот.

– Полагаю, касательно этого было полное единодушие. Единственный случай, когда все члены семьи были полностью согласны друг с другом. И в тот самый момент, когда они закончили высказывать моему отцу все, что думают о нем по поводу его вступления в законные права наследования, они устроили первоклассную грызню за деньги матери.

– Денег этих было кот наплакал, – неспешно сказала Флоренс Дьюк.

Джейкоб издал каркающий смешок.

– Именно поэтому. Бросьте кость полудюжине собак и увидите, что произойдет. Как вы сказали, это была не бог весть какая кость, и по праву – заметьте, по праву! – эти деньги должны были достаться поровну всем восьмерым детям. Но мой отец не потребовал свою долю. Я не говорю, что это был красивый поступок, просто констатирую факт. Он позволил остальным семерым разделить имущество матери.

– Завещания – это так утомительно, – заключила леди Мэриан прелестным голосом. – Отец Фредди составил просто ужасное завещание.

Джеффри Тэвернер нетерпеливо заерзал:

– А что именно нужно было делить?

– Ничего достойного упоминания. Остался коттедж с клочком земли, несколько ювелирных украшений и пятьсот фунтов в облигациях. Мэттью, Марк, Люк, Джон и Эктс каждый получил по сто фунтов. Мэри и Джоанна получили по броши и браслету, а Джоанне достался коттедж. Она как раз собиралась замуж за вашего деда, – обратился Джейкоб к Джону Хиггинсу, – и когда все устали ругаться, Томас Хиггинс предложил им еще двадцать фунтов. Они взяли каждый по пятерке и уступили Джоанне коттедж. Мэри не участвовала, так как уже была замужем за лордом Рэтли и спокойно жила в Ирландии. После этого все они друг друга недолго любили. Мэттью удачно вложил деньги – купил пару старых коттеджей и удвоил на них свой капитал. Перекупка домов – вот чем он занимался. – Он злорадно посмотрел на Милдред и Джеффри. – Незачем обижаться, мой отец занимался тем же. Марк, чьим вторым именем была респектабельность, до конца своих дней проработал клерком у поверенного. Мэри была украшением книги пэров, а Люк... о нем лучше не говорить.

– Оставьте его в покое! – разозлился Эл Миллер. От гнева его смуглое лицо не покраснело, а приняло желтоватый оттенок. Он вертел в потных ладонях свой яркий платок.

Джейкоб рассмеялся.

– Хорошо, хорошо, чем меньше разговоров, тем лучше для дела. Джоанна счастливо и блаженно жила в своем сельском коттедже и там же умерла. Джон пошел в гору, лестницей ему послужили собственные мозги. А Эктс, образно говоря, сделал карьеру на тряпье и хламе, – он кивнул Джейн, – и поднялся до владельца милой антикварной лавки в Ледборо. Вот и все.

– Очень четко и лаконично, однако не вижу, к чему мы в итоге пришли. Думаю, всем нам следует знать, для чего нас тут собрали, – сказал Джеффри Тэвернер.

– Разумеется. Однако я надеюсь, очень надеюсь, что вы не тешите себя мыслями о том, что услышите нечто выгодное для себя.

Мэриан Торп-Эннингтон театрально вздохнула:

– Ну, конечно, у нас были такие мысли, дорогой вы наш. Я сразу сказала Фредди: «Дела просто не могут идти дальше так же скверно, как они шли с момента нашей свадьбы. Если луч надежды существует, то он просто должен показаться, правда? И почему бы не сейчас?» Вот так я сразу и сказала. Но он так мрачно смотрит на все, бедняжка, и в этом нет ничего удивительного, ему ведь приходится встречаться с этими ужасными кредиторами. Поэтому он и не смог быть здесь сегодня. И ему очень не хотелось отпускать меня одну, потому что он вечно думает, что я совершу какую-нибудь глупость. Но я сказала ему: «Возможно, нас там будет целая толпа, и кто-то окажется умным, так что от меня ничего не будет зависеть». – Она снова вздохнула, на этот раз еще глубже. – Вы ведь не хотите сказать, что не будет совсем уж ничего? – Голос ее опустился до совершенно трагических нот.

– Что ж... – протянул Джейкоб. – Боюсь, все вы будете несколько разочарованы. Я пригласил вас сюда по трем причинам. Я решил, что семейная ссора продлилась достаточно долго. У меня нет никаких семейных связей, и я подумал, что будет интересно познакомиться с родней. И с этой целью я хочу пригласить вас всех к себе в старую семейную гостиницу.

Джон Хиггинс обратил на него взгляд голубых глаз.

– Старое «Огненное колесо» продали, когда умер прадедушка.

– Это не так. Мой отец так и не продал гостиницу, хотя ходили слухи, что он это сделал; может, он сам их и пустил. Он сдал ее в долгосрочную аренду, срок которой истек в прошлом году, так что гостиница вернулась ко мне, а управляют ею Каstellлы. Миссис Каstellл – сестра вашего отца, дочь Джоанны, урожденная Энни Хиггинс.

Джон Хиггинс медленно произнес:

– Я знаю, что моя тетя Энни живет там, но я десять лет ее не видел.

– И вы живете всего в миле от нее, в коттедже, который Джоанна получила в качестве части материнского наследства?

– Да, я живу в старом коттедже.

– Женаты или холосты?

Медленная улыбка смягчила бесстрастное лицо.

– Надо же, есть что-то, чего вы не знаете? Мне казалось, вам все известно. Я холост и сам веду хозяйство. И я не видел тетю Энни десять лет, хоть она и живет всего в миле от меня.

Джейкоб кивнул:

– Весьма интересно. Дружная мы семейка, правда?

Джон Хиггинс крепко сжал губы. Он сидел, положив большие руки на колени, спокойный и ничуть не смущенный.

– Гостиница «Огненное колесо» стоит на старой прибрежной дороге в Ледлингтон, – объяснил Джейкоб. – Ближайшая станция, Клифф-Холт, находится в полутора милях. Я всех вас приглашаю приехать и погостить у меня в следующие выходные. Некоторым из вас будет нелегко освободить эти дни; возможно, придется попросить чьей-то помощи; может быть, трудно будет взять отгул; возможно, это причинит вам неудобства или введет вас в расходы. Поэтому каждый из вас получит сумму в сто фунтов – скажем, в качестве признания того, что старый Джеремайя нечестно обошелся с вашими дедушками и бабушками в своем завещании и что, приглашая вас нанести мне этот визит, я не хочу причинять вам никаких дальнейших неудобств.

Он резко замолчал, закинул ногу на ногу, облокотился рукой на обтянутую кожей столешницу и наблюдал за ними.

Джеффри Тэвернер слегка нахмурился. Шарф Милдред съехал, и она безуспешно пыталась его поправить. Крупные черты лица Флоренс Дьюк приобрели суровое выражение, странно противоречащее прежнему терпеливому добродушию. У Эла Миллера вид был напряженно-радостный и изумленный. Джон Хиггинс сидел, не меняя положения, – крупный, русоволосый, безмятежный, сдержанный. Глаза Джейн были широко распахнуты, рот приоткрыт, лежавшие на коленях руки крепко сжаты. Джереми казался рассерженным. Единственным, кто заговорил, была Мэриан Торп-Эннингтон. Она сказала:

– Дорогой мой, как это чудесно!

– Значит, вы приедете?

– Ну конечно! Вы ведь и Фредди имели в виду, правда? Он огорчится, если это не так, а бедняжка и так уже расстроен.

Джейкоб коротко кивнул:

– Он может приехать.

Он повернулся к Джеффри Тэвернеру:

– Вы сможете освободиться? Ваша сестра сказала, что вы на государственной службе.

Джеффри выглядел раздраженным.

– Моя сестра допустила неточность, как часто это делает. Некоторое время назад я подал в отставку, и теперь я частное лицо. Я сумею освободиться от дел в упомянутые вами дни.

– А вы, Милдред?

Он злорадно улыбнулся, когда она нервно вздрогнула, отчего ее сумка вновь полетела на пол, показав все свое содержимое. Он оглядел собрание взглядом, в котором плясало ехидство, и продолжил:

– Поскольку все мы кузены, я предлагаю обращаться друг к другу без церемоний. Данных при крещении имен будет достаточно, пока близость не станет оправданием для нежных уменьшительных прозвищ. Но боюсь, я напугал Милдред. Прошу прощения. Я просто хотел спросить, сможет ли она освободиться на выходные.

Мисс Тэвернер открыла и закрыла свою блудную сумку. Из нее торчал кончик носового платка, который она собиралась бросить в стирку перед уходом. «О боже, боже», – она пыталась подобрать слова так же неловко, как и объяснить, почему из сумки вываливается ее содержимое.

– О да, боже мой... Простите... Надо заняться защелкой, но на это вечно нет времени... Моя компаньонка мисс Миллингтон займется магазином, а в субботу после обеда мы всегда закрываемся. Конечно, это очень любезно с вашей стороны.

Губы ее продолжали беззвучно шевелиться, повторяя: «О боже, сто фунтов, боже, боже, боже».

Кивком головы Джейкоб освободил ее от дальнейшей беседы.

– А вы, Флоренс?

Она вновь посмотрела на него прямо и смело.

– Да, я приеду. Мне бы хотелось взглянуть на старую гостиницу. У меня есть подруга, которая приходит помогать, если я очень занята, а по воскресеньям я не открываю закусочную. Она справится.

– А вы, Эл Миллер? Дайте-ка подумать; вы ведь работаете на железной дороге? Носильщиком на станции в Ледлингтоне?

– Верно. Я могу взять отгул вечером в субботу.

Джейкоб кивнул.

– Гостиница всего в трех с половиной милях от Ледлингтона. Полагаю, у вас есть велосипед. Вы можете приехать, когда закончите смену. Это вас устроит?

Эл Миллер подумал: «К чему он ведет? Сто фунтов любого устроят, верно?» Он дернул головой и сказал, что это ему вполне подходит.

Джейкоб сказал:

– Мы отлично продвигаемся. Мэриан уже сказала нам, что она и Фредди приедут. А вы, Джон?

Джон Хиггинс ответил своим приятным деревенским говором:

– Спасибо, нет, кузен Джейкоб.

На обезьяньем лице возникла недовольная гримаса.

– Дорогой мой, почему нет?

– У меня есть на то причины, но все равно спасибо.

– Давайте, давайте, сто фунтов только и ждут, чтобы вы их забрали.

Голубые глаза спокойно воззрились на него.

– Если бы у меня была веская причина приехать, я бы приехал. Поскольку у меня есть причины держаться в стороне, я буду держаться в стороне.

– А как же сто фунтов?

– Оставьте их себе, кузен Джейкоб.

Джейн обнаружила, что сжимает лежащие на коленях руки. Она искоса взглянула на Джереми и увидела, что он очень рассержен. Он хорошо держал себя в руках, но она нисколько ему не доверяла. Если она не возьмет дело в свои руки, он принципиально откажется или сделает еще какую-нибудь глупость.

Она подумала, что мужчины ужасно напоминают ранних викторианцев. Вообще-то вряд ли когда-то бывали времена, когда они не превращались мгновенно в пещерных людей и не провозглашали, что их воля – это закон. Не очень они цивилизованны, вот в чем беда. Она взглянула на него и, не дожидаясь, пока ее спросят, сказала:

– Я с удовольствием приеду, кузен Джейкоб. Ужасно мило с вашей стороны нас пригласить. Во второй половине субботы и в воскресенье у меня выходной, но я должна вернуться к половине десятого в понедельник.

Джереми кровь бросилась в голову. Он испытал несколько первобытное чувство. Хочет его отфутболить? Ну, он ей покажет! И если она хоть на одну секунду подумала, что он отпустит ее одну с такой шайкой в эту заброшенную гостиницу с темным прошлым и бог знает каким настоящим – что ж...

Джейкоб Тэвернер обратился к нему:

– А вы, Джереми?

Он ответил вежливо и держа себя в руках:

– Спасибо, сэр. Я в отпуске и смогу приехать.

Глава 5

Когда они прошли полдороги, Джейн взглянула на безразличный профиль своего спутника, нежно улыбнулась и сказала:

– Спасибо, дорогой.

Капитан Джереми Тэвернер холодно осведомился, за что она его благодарит.

– За то, что поедешь со мной в «Огненное колесо» в качестве моей дуэньи, дорогой. Как человек, привыкший к защите и чрезмерной опеке, я действительно это ценю. Ты ведь это знаешь?

В этот момент словно вспыхнула молния, а затем раздался сильный раскат грома.

– Прекрати болтать ерунду, Джейн, и послушай меня! Ты никак не можешь туда поехать!

– Почему это не могу? Я поеду.

– Не можешь! Со всей этой шайкой...

– Нет, дорогой, с тобой.

Она отчетливо услышала, как Джереми скрипнул зубами.

– Джейн, не может быть, чтобы ты хотела иметь дело с этими ужасными людьми.

– Это единственные родственники, которые у нас есть.

– И слава богу! Ну и соборище!

Голос Джейн немного потеплел.

– Никакое не соборище, Джереми! Ты ведешь себя как сноб. Мне очень понравился Джон Хиггинс, он такой славный.

– Его там не будет – он слишком здравомыслящий человек. А Эл Миллер тебе тоже очень понравился?

– Не особенно.

– А Джеффри? Или Милдред?

– В Джеффри что-то есть. И я не против узнать его.

Снова послышался скрип зубов. Джейн торопливо добавила:

– Хотя он несколько суховат, ты не находишь? Но зато мне понравилась «для друзей – Флосс». И Мэриан. И не говори мне, что не считаешь ее красавицей, потому что я тебе ни за что не поверю.

Он сердито хмыкнул.

– Полагаю, ума у нее меньше, чем у любого, кто не живет в сумасшедшем доме.

Джейн сморщила носик.

– Ну, не знаю. Мне кажется, она прекрасно понимает, в чем ее выгода.

– Это не ум, а первобытный инстинкт. Признаю, этого у нее в избытке. – Его голос изменился. – Джейн, прекрати валять дурака и скажи мне, зачем ты хочешь поехать в это проклятое место?

Она подняла на него широко раскрытые ясные глаза:

– Милый, это же так просто. Мне нужны сто фунтов.

– Джейн!

Она мило передразнила его:

– Джереми! – Потом она рассмеялась, но, когда снова заговорила, тон ее был серьезным. – Разве ты не понимаешь, что за всю свою жизнь я никогда не держала в руках сто фунтов? Это самое чудесное из всего, что со мной случилось.

– Ты не можешь их взять!

– Посмотрим!

– Джейн...

– Не глупи, дорогой. Ты не понимаешь, что это значит. Прошлой зимой я проболела шесть недель, и у меня не было ни гроша. Деньги по страховке не бесконечны; мне начали сниться кошмары. Тогда я думала, что во всем мире у меня нет ни одного родного человека. Именно поэтому, даже если оставить в стороне деньги, я не собираюсь быть снобом, как ты, теперь, когда эти родственники объявились. Я собираюсь с ними подружиться. И я собираюсь получить свои сто фунтов и положить их в Почтовый банк на черный день. Так-то вот!

Джереми придержал ее за руку.

– Джейн, почему ты болела?

Она ответила с легким вызовом:

– Потому что у меня не было нормальной обуви, теплого пальто и достаточного количества еды.

– Почему?

– Потому что у меня не было постоянной работы, только показы от случая к случаю и все такое. И мне приходилось выплачивать страховку, иначе мне бы худо пришлось. Я не могу позволить себе пережить такое еще раз и не собираюсь. Я собираюсь получить *и* милых родственников, *и* сто фунтов кузена Джейкоба.

Джереми ничего не ответил. Она почувствовала его внутреннее отступление. Она даже не рассматривала вариант, что он забудет о Джейкобе Тэвернере, его приглашении и ста фунтах – настолько это было маловероятно. А вот то, что он отступил, чтобы вскоре обрушить на нее гнев, подобный бомбам и огнеметам, – это почти наверняка. Возможно, он намерен подождать, пока они останутся наедине, а может, применит разрушительную тактику и внезапно атакует ее в автобусе. Она решила ехать домой на метро, где возможностей такой атаки было меньше, если держаться в толпе и не оказаться вместе с противником в подземном переходе.

После нескольких беспечных фраз, ответом на которые было полное молчание, Джейн махнула рукой и стала обдумывать свое решение. Что бы Джереми ни говорил и что бы ни делал, две вещи она знала наверняка: она поедет в «Огненное колесо» и получит сто фунтов.

Пока они ехали в метро и пока поднимались в ее квартиру, он так и не произнес ни слова. Она задернула шторы, поставила чайник, накрыла на стол и достала булочки. Джереми с мрачным и отсутствующим видом подпирал каминную полку, пока его правую штанину не опалил огонь. Тогда он подошел к Джейн, забрал из ее руки нож, положил его на стол и спросил:

– Ты выйдешь за меня?

Джейн почувствовала себя так, словно ее внезапно подняли в воздух и снова уронили.

– Нет, конечно, нет, – сказала она странным задыхающимся голосом.

Его вид был непреклонен.

– Зачем говорить «нет, конечно, нет», если ты даже не обдумала предложение? Ты брякнула это, не подумав. Это деловое предложение, и ты должна как следует его обдумать, прежде чем отказываться. А для начала ты должна внимательно меня выслушать.

– О... И что же это означает?

– Сядь на диван.

– А ты будешь возвышаться надо мной и разговаривать с моей макушкой? Нет уж, спасибо!

– Я тоже сяду. Только сначала выключу газ под чайником, чтобы он не выкипел, пока я буду делать тебе предложение.

Джейн тихо охнула и села. Не столько потому, что Джереми велел ей сесть, сколько потому, что коленки у нее дрожали, и он мог подумать, что...

Джереми выключил газ, подошел и сел с ней рядом. Он сильно хмурился и сразу заговорил деловым тоном:

– Я могу предложить тебе не так много, но из армии можно вылететь, только если ты совсем ни на что не годишься, и там есть пенсия. Когда я выйду в отставку, я буду получать

пенсию; если со мной что-нибудь случится, эту пенсию получишь ты; а если у нас будут дети, то они будут получать что-то до восемнадцати или двадцати одного года – не знаю точно, но могу выяснить.

– Джереми, это ужасно! Пожалуйста, прекрати!

– Вовсе не ужасно. Это мера предосторожности. А тебе следует слушать, вместо того чтобы выдвигать пустяковые возражения, которые только выводят меня из себя. У меня еще есть собственные средства, триста фунтов в год.

Джейн посмотрела на него с уважением.

– Откуда же они у тебя?

– Двести фунтов достались мне от матери, а остальное приносит страховка на случай смерти от деда. Это небольшие, но надежные деньги, а иметь дополнение к заработку – очень важно.

– Джереми, *пожалуйста...*

Нахмурившись, он взглядом заставил ее замолчать.

– Ну послушай же. Я думаю, тебе понравится жить со мной. Придется часто переезжать, но зато ты увидишь много разных мест, и люди у нас очень дружелюбные. В любом случае, у тебя будет нормальная обувь и достаточно еды. И тебе не придется примерять чужую одежду на потеху толпе иссохших стервятниц.

Джейн бросила на него взгляд из-под ресниц.

– Не все они иссохшие, милый. У некоторых тела выпирают из одежды.

– Это отвратительно! – с яростью выпалил Джереми. – И у тебя это тоже должно вызывать отвращение! Я хочу, чтобы ты бросила эту работу и позволила мне заботиться о тебе.

Джейн уставилась на свои руки, с ними творилось что-то странное. Они зашли очень далеко.

– Я сама могу о себе позаботиться, – тихо и упрямо произнесла она.

– Это ты так думаешь. Девушки всегда так считают. Но на самом деле это не так. И ты не станешь этого делать.

Джейн подняла глаза.

– Кто это сказал?

– Я. И ты. За сколько дней ты должна предупредить миссис Харлоу об увольнении?

– Я не собираюсь уходить от нее.

– Я не вижу смысла в долгой помолвке.

– Мы не помолвлены.

Джереми посмотрел на нее почти пугающим взглядом.

– Ты нарочно сопротивляешься.

Она покачала головой и тут же об этом пожалела, потому что комната закружилась перед глазами.

– Нет. Ты просишь меня выйти за тебя, и я говорю нет.

– Почему?

– Ты меня не любишь. Я тебя не люблю. И кузенам не следует жениться друг на друге.

Он с минуту глядел в сторону, потом вновь посмотрел на нее.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что это правда.

Он как-то странно рассмеялся.

– Правда, что я тебя не люблю? Джейн, ты ведь не дурочка, ты прекрасно знаешь, что я тебя люблю.

– Не знаю. Откуда мне знать? Ты никогда этого не говорил.

– Я люблю тебя до безумия, и ты это знаешь, – сказал Джереми совершенно бесцветным голосом.

– О...

Он положил крепкие и тяжелые руки ей на плечи.

– Ты меня любишь? Давай, будь честной!

Джейн ответила:

– Нет...

Она повторила это три раза, и с каждым разом голос ее становился все тише, пока совсем не пропал, потому что после каждого «нет» Джереми целовал ее. Последний поцелуй длился долго.

Потом он поднял голову и сказал:

– Лгунья.

Джейн ничего не ответила.

Глава 6

Старший инспектор розыска Лэмб поднялся из-за стола в своем кабинете и пожал руку мисс Мод Сильвер.

– Незачем спрашивать, хорошо ли вы себя чувствуете, инспектор.

В ответ он весело рассмеялся – знак, хоть и необязательный, что встреча будет не слишком официальной.

– Рад сообщить, что о здоровье мне незачем тревожиться.

– А миссис Лэмб? Надеюсь, непогода на нее не повлияла?

– Она слишком занята своими обязанностями бабушки.

Мисс Сильвер просияла.

– Ах, да, сынок Лили, маленький Эрнест. Его назвали в вашу честь, верно?

– Надо же, вы помните! А что скажете насчет внучки? Вчера ей исполнился месяц, малышке Лили Роуз. Красивое имя, правда?

Мисс Сильвер подумала, что имя и правда красивое. Инспектор Эббот, проводивший ее в кабинет и ждавший, когда ей можно будет предложить стул, наблюдал за этим обменом любезностями с саркастической улыбкой. Три дочери были гордостью Лэмба и кратчайшей дорогой к его сердцу. Но мисс Сильвер не имела скрытых мотивов, ее интерес был неизменно искренним. Теперь она расспрашивала о Вайолет, которая получила хорошую должность в Адмиралтействе.

Лэмб покачал головой.

– Только что снова обручилась. Жена говорит, долго это не продлится. Она красивая и хорошая девушка, но она сама не знает, чего хочет, это факт. Когда у нее есть парень, она думает, что неплохо бы найти работу, а когда у нее есть работа, она думает, что неплохо было бы выйти замуж. Хочет иметь все и сразу.

– А Миртл? Все еще учится на медсестру?

Лэмб помрачнел.

– Да, учится, и держат ее там в черном теле. Жена говорит, это слишком тяжело для нее. Она ведь наша младшая, и нам очень не хватает ее дома. Что ж, присядьте, мисс Сильвер. Я знаю, вы всегда готовы прийти на помощь, и я подумал, что, может, вы согласитесь сделать для нас кое-что – частным образом и без всяких формальностей; вы понимаете, о чем я? И я подумал, что мы могли бы просто поговорить в неофициальной обстановке...

Мисс Сильвер села. Ее бледное лицо с изящными чертами выражало вежливый интерес. Все в ее внешности было опрятным, старомодным и немного потертым. Из-под черного пальто выглядывала оливково-зеленая кашемировая шаль. Букетик коричнево-желтых анютиных глазок – рождественский подарок племянницы Этель Беркетт – заменил фиолетовые цветы, которые прежде украшали ее черную фетровую шляпку. Руки были в черных вязаных перчатках, а шею тепло и уютно обвивала многолетняя подруга – горжетка из пожелтевшего меха. Мисс Сильвер неторопливо уселась поудобнее, пристроила на колени почтенного возраста сумочку и воззрилась на старшего инспектора с должной степенью почтения.

– Итак, – сказал он, – перейдем к делу. Обычно мы с вами встречаемся по делам об убийствах, верно? На этот раз все не так страшно, но я решил, что, возможно, вы сумеете нам помочь. Ваше имя ведь никогда не попадало в газеты. Конечно, вас знают в полиции, если можно так выразиться. А что касается криминальных кругов, то за исключением двух-трех человек никто не сочтет вас подозрительной личностью. Другими словами, вас, в сущности, никто не сможет раскусить.

Все время, пока инспектор говорил, он наблюдал за мисс Сильвер, пытаясь понять, возьмется ли она за эту работу. За его массивным внешним фасадом скрывался пронизательный

ум. Он откинулся на спинку стула и сложил на объемистой талии крупные руки с ловкими пальцами. Лампа над головой высветила полоску редющих волос в его густой черной шевелюре и подчеркнула румянец на широком лице. Карие, слегка навывкате глаза напоминали непочтительному Фрэнку Эбботу круглые мятные леденцы.

Мисс Сильвер вопросительно произнесла:

– Да?

Лэмб резко наклонился вперед, перегнулся через стол и произнес только одно слово:

– Контрабанда.

Лицо мисс Сильвер выразило осуждение. В юности она занималась, как она сама это называла, преподавательской деятельностью. Ее вид и манера говорить словно гувернантка из давних времен часто оказывались полезными.

– Неужели? – спросила она.

– Такая деятельность распространена, знаете ли, что неудивительно – с такими-то высокими таможенными пошлинами. Обычным путем это дело бы до нас не дошло. Но тут не только контрабанда. Прежде всего, наркотики. Разумеется, мы постоянно боремся с ними: ведь до тех пор, пока люди готовы платить баснословные деньги за «дурь», перевозчики наркотиков ни перед чем не остановятся, чтобы эту «дурь» им доставить. Так вот, есть место, за которым мы уже какое-то время наблюдаем – старая гостиница на прибрежной дороге за Ледлингтоном. Марч... погодите, вы ведь знаете Марча, так ведь? Он старший констебль и когда-то учился у вас, верно?

Мисс Сильвер кашлянула и улыбнулась.

– Очень давно, инспектор.

– Ну, мы все не молодеем. Марч вырос хорошим парнем, это делает вам честь. Итак, как я уже сказал, Марч какое-то время следил за этим местом. Когда-то давно там уже случалась история с контрабандой. Потом она перешла в другие руки. Недавно гостиница вернулась во владение той же семьи, но управляющий остался прежний. Ну и что такого, скажете вы; против этого человека у нас нет ничего, кроме того, что он наполовину ирландец, наполовину португалец.

Фрэнк Эббот уставился на огонь в камине. Нелюбовь Лэмба к иностранцам всегда его забавляла.

Старший инспектор на мгновение задержал взгляд своих слегка навывкате глаз на его профиле, предупреждающе нахмурился и заговорил громче:

– Конечно, это не его вина, и никто ничего против него не имеет, пока он ведет себя соответствующе. Он британский подданный, и жена у него англичанка. Против них обоих ничего нет. В том-то и проблема – Марч не может ни за что зацепиться, но это место вызывает странные чувства. Возможно, дело в давней истории с контрабандой, а может, там происходит и что-то новое. Это что касается торговли наркотиками; но есть и кое-что еще. Кражи драгоценностей, про которые вы наверняка читали в газетах, – ведь это добро нелегко вывезти из страны, потому что всюду ведется наблюдение. На днях у нас появилась крошечная зацепка после дела Коэна. Помните, старик Коэн проснулся и начал стрелять в грабителей. В одного он попал, но его унесли остальные. Мы шли за ними по горячим следам; они бросили его на обочине дороги, решив, что он умер. Мы его подобрали; он был еще жив, но умер прежде, чем мы довели его до больницы. Он все время бормотал что-то, и у одного из констеблей хватило ума прислушаться. Большею частью он ничего не разобрал, но уловил два слова – «старое колесо», и весьма разумно доложил об этом. Так вот, старая гостиница на дороге в Ледлингтон зовется «Огненное колесо».

Повисло молчание. Мисс Сильвер выглядела задумчивой.

Фрэнк Эббот так и не присел. Он стоял у камина, высокий, стройный и элегантный; темный костюм безупречного кроя, носовой платок, галстук, носки – все выглядело неброско,

но красиво; русые волосы приглажены до зеркального блеска. Он совершенно не походил на полицейского, и уж тем более на усердного полицейского, коим он являлся. Он преклонялся перед мисс Сильвер; своего начальника он любил и уважал; однако эти чувства не мешали ему считать, что встречи инспектора и мисс Сильвер являются отличным развлечением.

Мисс Сильвер кашлянула и спросила:

– Так чем же я могу вам помочь?

Лэмб ответил прямо:

– Вы могли бы поехать туда и остановиться в этой гостинице.

– Под каким предлогом? По вашему описанию это не очень похоже на отель, подходящий для леди, которая путешествует в одиночестве.

Лэмб весело рассмеялся.

– Ну, это мы устроим. А теперь послушайте: происходит что-то действительно очень странное. Владельца гостиницы зовут Джейкоб Тэвернер, он внук старого Джеремайи Тэвернера, который владел ею в давние, контрабандистские времена. Недели три назад во всех газетах появилось объявление, приглашавшее потомков Джеремайи Тэвернера написать на указанный абонентский ящик. Мы за этим следили, потому что как раз заинтересовались «Огненным колесом». Объявление подал Джейкоб Тэвернер, и он же выбрал из ответивших восемь человек, которых пригласил в «Огненное колесо» на следующие выходные. Нам интересно было бы узнать, зачем.

Фрэнк Эббот посмотрел на старшего инспектора спокойными светлыми глазами.

– Может, он просто устраивает вечеринку.

– Марч говорит, что никто из семьи Тэвернер не общался друг с другом с незапамятных времен. Единственное исключение – потомки Люка Тэвернера. Он был четвертым сыном старого Джеремайи и отъявленным мерзавцем. Оставил после себя кучу детей и внуков, мошенников и негодяев с дурной репутацией, большинство из которых не имели законного права носить его фамилию. Марч говорит, они фигурируют во всех темных делишках в нашем графстве. Единственным законным и довольно приличным отпрыском является парень по имени Эл Миллер. Он работает носильщиком на станции в Ледлингтоне, и положение у него не очень устойчивое: Марч говорит, что он может потерять работу. А еще есть бармен в «Огненном колесе». Против него ничего нет, но он из неблагополучной семьи. Если бы вы поселились в гостинице на время этого семейного воссоединения, то, может, заметили бы что-нибудь. Мне нужно ваше мнение о семейном круге Тэвернера. Тут вы, если можно так выразиться, решительно выделяетесь: вы умеете разбираться в людях.

Мисс Сильвер смотрела на него мягко и внимательно.

– Кто эти люди? – спросила она.

Лэмб порылся в открытом ящике.

– Где эта бумага, Фрэнк? А, она у вас. Вот, мисс Сильвер. Джеффри Тэвернер – коммивояжер вполне уважаемой фирмы «Хоббс и Кертин», они продают всякие штуки для облегчения работы по хозяйству. Его сестра Милдред Тэвернер – старая дева, держит магазинчик товаров для рукоделия. У миссис Флоренс Дьюк закусочная на дороге в Портсмут. Леди Мэриан Торп-Эннингтон, сестра последнего графа Рэтли; первым мужем был финансист Моргенштерн, оставил все деньги чужим людям; вторым был французский гонщик Фарандоль, он разбил пару лет назад; сейчас она замужем за молодым Торпом-Эннингтоном, который вот-вот обанкротится. Это четверо. Затем еще Эл Миллер, про которого я уже рассказал, – носильщик на железной дороге; они снова взяли его на работу после демобилизации, но держать там не особо хотят. Далее, Джон Хиггинс, плотник в поместье сэра Джона Лэйберна, всего в полутора милях от старой гостиницы. Местные считают его человеком высокой морали, уравновешенным и религиозным. И еще двое напоследок, капитан Джереми Тэвернер, кадровый офицер, и мисс Джейн Хирон, манекенщица. Вот такая пестрая компания.

Мисс Сильвер спокойно поглядела на список имен и произнесла:

– Боже правый...

Старший инспектор рассмеялся.

– Думаете, как они будут общаться в эти выходные? Что ж, одного из них там не будет. Джон Хиггинс и близко не подойдет к гостинице, хотя поговаривают, что он равнодушен к девушке, что там работает, а его тетя замужем за управляющим, Каstellом. Девушка приходится Каstellу племянницей или что-то в этом роде. Видите, настоящее семейное дело.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Интересно, зачем мистер Джейкоб Тэвернер пригласил всех этих людей на выходные.

Лэмб откинулся на спинку стула:

– Ну, может, за этим вовсе ничего и не кроется. Он богат, а деньги оставить некому. В том, что касается полиции, прошлое у него безупречное. Не думаю, что он замешан в рискованных делах, не более, чем другие люди, которым удавалось нажать состояние и выйти сухими из воды. Возможно, он хочет всего лишь взглянуть на своих родственников и решить, кого из них он внесет в завещание. Это один вариант. Но есть и другие, конечно. Может, он замешан в торговле контрабандой. И думает, что семейная встреча послужит хорошим прикрытием для всего, что может там происходить. А может, он просто заинтересовался семейной историей. Я не знаю, но хочу узнать. Мне нужно составить мнение об этих людях, а когда доходит до такого рода заданий, мы все знаем, что никто не справится с ними лучше вас.

Мисс Сильвер любезно, но сдержанно улыбнулась. Прекрасный человек этот старший инспектор, но иногда самую малость склонен относиться к людям покровительственно. В такие моменты она была близка к тому, чтобы все бросить и снова стать гувернанткой. Неизвестно, почувствовал ли Лэмб легкий холодок в воздухе.

Мисс Сильвер кашлянула, бросила еще один взгляд на бумагу и обратилась к нему:

– Мисс Джейн Хирон молода?

Он кивнул:

– Да, работает манекенщицей. Не хотел бы, чтобы кто-то из моих дочерей этим занимался, но о ней нельзя сказать ничего плохого. Говорят, что она и капитан Тэвернер встречаются.

– Мне кажется, я видела ее несколько месяцев назад в доме моих друзей. Красивая девушка и совсем молоденькая, – задумчиво протянула она.

Фрэнк Эббот позволил себе улыбнуться.

– Ну вот! – сказал он. – Чего вам еще желать? Убийство мы вам предложить не можем, но вполне сгодится и любовная интрижка с участием красивой девушки в незавидном положении.

Мисс Сильвер посмотрела на него с укором:

– Убийство – слишком серьезная вещь, чтобы шутить по этому поводу.

– Да, да, верно, – нетерпеливо согласился Лэмб. – Но об убийстве речь не идет. Вы возьметесь за дело? Фрэнк предлагает отвезти вас туда на машине. У него там неподалеку живет кузен, один из его титулованных родственников. Он этих родственников достает как кроликов из шляпы. Понять не могу, откуда они все берутся.

Фрэнк изогнул красивые брови:

– Проще простого, сэр. У моего прадеда было девятнадцать детей. Все они женились и завели большие семьи.

Лэмб проворчал:

– В общем, этого кузена зовут Челлонер, сэр Джон Челлонер, если угодно, и он живет всего в полутора милях от «Огненного колеса». У Фрэнка появилась идея... пусть лучше он сам объяснит.

Фрэнк Эббот провел рукой по своей безупречной прическе.

– Я высажу вас у гостиницы, а сам поеду дальше и остановлюсь у Джека Челлонера. Буду совсем рядом и смогу быстро приехать. Если я вам понадобится, позвоните в Ледстоу, 23, они мне все передадут, и мы с Джеком зайдём в гостиницу выпить. А что касается вас, то я подожду где-нибудь, пока не удостоверюсь, что вам удалось снять номер. У них там будет полно народу, и возможно, они не захотят пускать незнакомцев. С другой стороны, если там творится что-то противозаконное, они не захотят привлекать к себе внимание, отказавшись принять добропорядочную путешественницу. Осталось только придумать причину для вашего приезда.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Мой милый Фрэнк, в этом нет ничего сложного. Лучше всего всегда придерживаться правды.

– Правды?

Мисс Сильвер благожелательно улыбнулась.

– Я позвоню в дверь и скажу, что один джентльмен любезно подвез меня и порекомендовал их гостиницу.

Старший инспектор слегка вытаращил глаза. Фрэнк позволил себе рассмеяться.

– А чем же вы занимаетесь, если вас подвозят и вы являетесь затемно в незнакомую гостиницу? Это будет выглядеть странно, разве нет?

Мисс Сильвер просияла.

– Я скажу чистую правду – у меня деловая встреча в этих краях.

Глава 7

Неделя, прошедшая между собеседованием у Джейкоба Тэвернера и поездкой в Клифф, была богата на эмоции, по крайней мере для Джереми и Джейн. Она напоминала прогнозы нашей изменчивой погоды: с порывами ветра, прояснениями, местами с морозом, порой с туманами. Между Джереми и Джейн случилось несколько острых стычек, одна большая ссора и примирение, которое не прошло без словесных перепалок, хоть и более мягких. Однако в конечном итоге в их отношениях мало что изменилось: Джереми по-прежнему не одобрял всего, что было связано с Тэвернерами, и предлагал женитьбу в качестве альтернативы тому, что он называл толпой никчемных кузенов. Джейн продолжала с разной степенью твердости настаивать, что он напрасно проявляет принципиальность, что она намерена получить свои сто фунтов и что всем известно, что кузены не должны сочетаться браком между собой.

Когда наступила суббота, в их отношениях как раз наступил период ясной погоды. Поскольку у Джереми была машина, известная друзьям под названием Пугало, они собирались поехать в «Огненное колесо» на ней – им не хотелось тратить прекрасный день на ссоры. Как заметила Джейн, Джереми, вероятно, будет вести себя ужасно неприятно в выходные, так что нет смысла начинать проявлять свой скверный характер, пока они не добрались до места.

– Будет досадно, если ты исчерпаешь все свои хмурые гримасы к обеду воскресенья, так что не трать их сейчас понапрасну.

Джереми коротко ответил, что у него их большой запас, после чего внезапно расхохотался, поцеловал ее прежде, чем она смогла ему помешать, и сообщил, что он, возможно, окажется душой компании.

– Погоди, ты еще увидишь, как я буду поглощать коктейли в баре с дорогим Джеффри и нашим очаровательным кузеном Элом! Когда я буду по-настоящему в ударе, я даже поухаживаю за «зовите-меня-Флосс». На грани потери сознания я, возможно, даже зайду так далеко, что начну шептать непристойности на ушко дорогой Милдред. Слушай, как думаешь, что бы она сделала, если б я действительно так поступил?

– Уронила бы свою сумку и жутко покраснела.

– Что ж, тогда следи за мной!

Джейн хихикнула:

– Лучше сам за собой следи. Вдруг Милдред или Флосс решат, что им хочется попутешествовать по окрестностям в компании представителя армии.

Они ехали по Большой западной дороге. В небе сияло бледное зимнее солнце. Небо было бирюзовое, воздух свежий, но не холодный. Джереми снял левую руку с руля и слегка коснулся щеки Джейн.

– Я буду под защитой нашей помолвки.

– Мы не помолвлены.

– Милая, ты не можешь отказать мне в защите. Не будет никакого недопонимания. Мы войдем в бар, взявшись за руки, и объявим, что обручены. Весь клан выпьет за наше здоровье полный бокал искусственного портвейна, после которого все мы умрем, и семейный призыв появится в тот момент, когда мы, испуская последний вздох, прошепчем: «Вас предупредили».

Джейн вскинула подбородок, но уголки ее рта подрагивали.

– Мы не обручены. А если все это действительно так плохо кончится...

– Милая, у меня есть план. Мы польем смертельным зельем аспидистру⁶, и когда скончаются все остальные, мы будем управлять семейной гостиницей. Что мы с ней сделаем? У нее

⁶ Аспидистра, «дружная семейка», – неприхотливое растение из семейства лилейных с широкими пикообразными

темное прошлое, так что, полагаю, будущее мы можем приукрасить. Что это будет? Преисподняя азартных игр или притон для наркоманов?

Джейн чопорно ответила:

– Я получила хорошее воспитание. Мне однажды даже дали приз за хорошее поведение. Это было адаптированное издание «Векфильдского священника»⁷, из которого вырезали все сцены с описанием прекрасной женщины, опустившейся до безрассудного поступка. Думаю, лучше мы сделаем из него чайную на открытом воздухе.

– Джейн, в Англии нельзя пить чай в саду; если и можно, то очень-очень редко.

– Неправда. Сидишь на веранде с протекающей крышей, только лучше называть ее крытой галереей. По шее у тебя стекают капли дождя, в чай падают ухвертки, но при этом у тебя приятное чувство, что ты выбрался на природу, и, если пирожные будут достаточно хороши, от людей отбоя не будет. Я пеку ужасно вкусные пирожные. Дедушка говорил, что у меня к этому природный талант, который я унаследовала от его матери – лучшей в мире поварахи. Он заставил меня этому поучиться.

Джереми снова снял с руля руку, поймал ее ладонь и исступленно сжал:

– Когда мы сможем пожениться? Жду не дожусь. Я знал, что ты красива и талантлива, но разве все это имеет значение в сравнении с невероятно ценными кулинарными способностями?!

Они и дальше с удовольствием болтали о всякой чепухе. День уже клонился к закату, когда они проехали через Ледлингтон и выбрались на длинную ровную дорогу, ведущую к побережью через Ледстоу. Это отрезок длиной в семь миль, но старая прибрежная дорога немного не доходит до Ледстоу и сворачивает вправо. Этот поворот очень легко проскочить, потому что дорогой редко пользуются, а окаймляющие ее по обеим сторонам деревья сделали ее очень узкой. Через милю дорога начинает идти вверх. Деревья заканчиваются, изгороди становятся низкими, согнувшимися под ветром с моря. Клифф – маленькая деревенька, немногие поезда делают там остановку. Тот факт, что там вообще проходит железная дорога, связан с тем, что земля эта была собственностью семьи Челлонер, а в то время, когда шло строительство железной дороги, сэра Хамфри Челлонер был человеком, с которым следовало считаться. Он был женат на богатой наследнице и представлял Ледлингтон в парламенте.

Когда они проехали через Клифф, Джереми сбавил скорость и стал оглядываться по сторонам.

– В чем дело?

– Ни в чем. Здесь есть дом, о котором часто говорил дед. Вообще-то я знаком с человеком, которому он принадлежит сейчас, – Джек Челлонер, очень хороший парень. Это огромный белый дом, он должен быть где-то неподалеку. Включу-ка я фары.

Через секунду фары высветили две идущие по дороге фигуры – девушку с повязанным на голове платком и крупного мужчину без шляпы с копной русых волос. Они держались за руки.

Джейн воскликнула:

– Это Джон Хиггинс! Джереми, это точно он! Остановись – может, он все-таки решил приехать, и они захотят, чтобы мы их подвезли.

– Вряд ли, – ответил Джереми.

Но проезжая мимо них, он сбавил скорость, остановился и вышел из машины.

– Джон Хиггинс, верно? Я Джереми Тэвернер. Мы с Джейн Хирон едем в гостиницу. Вас подвезти?

листьями и маленькими невзрачными цветками, растущими у самой земли. Аспидистра была очень популярным домашним растением в Британии с конца XIX в., т. к. обладала способностью выживать в помещениях, освещаемых газом. Она стала символом мещанского, обывательского благополучия.

⁷ Роман Оливера Голдсмита (1730–1774), английского прозаика, поэта и драматурга ирландского происхождения, яркого представителя сентиментализма.

К ним подбежала Джейн.

– Я так надеюсь, что вы идете туда.

– Это мило с вашей стороны, мисс Хирон, но что вы, не стоит.

– Вы не должны звать меня мисс Хирон, мы ведь кузены.

Она видела, что он улыбается и качает головой. Державшая его за руку девушка заговорила. Голос у нее был очень приятный, с легчайшим ирландским акцентом.

– Мисс Джейн Хирон?

Джейн увидела, что она тянет Джона Хиггинса за рукав. Он ответил: «Да» и повернулся к Джейн:

– Это Айли Фогарти. Вы увидите ее в гостинице. Она родственница мистера Каstellла; моя тетя Энни ее вырастила.

– Нам ужасно не хватает рабочих рук, – сказала девушка нежным мелодичным голосом.

Джейн видела только овал ее лица, платок был повязан под подбородком и прикрывал волосы, вроде бы темные. Она казалась очаровательной, но, возможно, просто из-за приятного голоса. Если Джон Хиггинс не виделся со своей тетей Энни уже десять лет, то, похоже, с ее протеже ему встречаться удавалось. Маленькая ручка без перчатки не отпускала его руку. Джейн подумала, что за такую крепкую руку было бы приятно держаться.

– Мы бы с удовольствием вас подвезли, если хотите, – сказала она.

– Хочешь, Айли? – спросил Джон Хиггинс.

Она дернула его за рукав. Джейн увидела, что он улыбается.

– Спасибо, мисс Хирон, но, я думаю, мы лучше пройдемся.

Когда они вернулись к машине, Джереми вдруг пошел назад.

– Зачем ты вернулся? – спросила Джейн, когда он снова сел в машину.

– Решил спросить Джона про дом Челлонера. Он говорит, въезд примерно в ста ярдах отсюда.

Она слегка нахмурилась от удивления, но в сумерках Джереми этого не заметил.

– Ты что-то очень интересуешься Челлонерами.

Джереми не ответил, он высматривал два высоких каменных столба. Когда они замаячили впереди, он остановил машину. Столбы едва виднелись в густеющей темноте, между ними были железные ворота. Правый столб венчало что-то вроде орла. Левая капитель была отбита, птицы сверху не было. Несколько чахлах деревьев и кустарников чернели на заднем фоне. Джереми присвистнул и сказал:

– Бедняга Джек! – и добавил со смехом: – Лучше уж он, чем я.

Глава 8

Старое «Огненное колесо» маячило на краю утеса, словно гряда облаков. Кто-то поставил фонарь на широкие плиты перед дверью. В наступивших глубоких сумерках, которые, казалось, сбивают с толку больше, чем настоящая темнота, этот круг света почти слепил глаза. Щели между плитами заросли мхом. Одну из плит пересекала по диагонали черная зигзагообразная трещина. Она блестела под светом фонаря, словно там проползла улитка. Дом возвышался громадой неправильной формы.

Когда они вышли из машины, до них донесся шум моря. Они встали на треснувшую плиту, Джереми потянул за шнурок звонка. Дверь почти сразу же открылась. За ней, в свете свисавшей с потолка масляной лампы, появился силуэт мужчины. Джереми взгляделся, нахмурился и спросил:

– Миллер, верно? Эл Миллер?

И тут же, когда мужчина повернулся и правую сторону его лица озарил мягкий желтый свет, Джереми засомневался. Сходство было велико, но у этого мужчины была иная манера поведения – более дерзкая, энергичная и уверенная. На нем был серый льняной пиджак официанта. С едва уловимым смешком он сказал:

– Нет, я не Эл. Мое имя Уайт, Люк Уайт.

Джереми вспомнил, что Люк Тэвернер оставил после себя множество не признанных законом отпрысков. Возможно, это какой-нибудь незаконный потомок, пришедший домой на ночлег. Все стало казаться еще более подозрительным. Джереми крепко взял Джейн под руку и последовал за Люком Уайтом по очень узкому коридору. Ему пришло в голову, что в давние контрабандистские времена это, наверное, было удобно. Было заметно, что узость коридора создавалась нарочно и усугублялась разными вещами – например, очень широкой вешалкой для верхней одежды и шляп, огромным неуклюжим комодом. Там, где начиналась крутая лестница на второй этаж, коридор расширялся и переходил в небольшой холл с дверями по обеим сторонам. Дверь справа была приоткрыта, и оттуда слышались голоса. Люк толкнул дверь и, отойдя в сторону, пропустил их внутрь.

Они вошли в большую старомодную комнату; шторы были задернуты, а запах от масляных ламп смешивался со сложным многолетним запахом выпивки, дыма и тяжелой старой мебели. На каминной полке стояло чучело огромной рыбы под стеклом, а по бокам от него – две большие вазы из голубого китайского фарфора. На стенах висели заключенные в рамки олеографии с портретами королевы Виктории и принца-консорта. На длинном столе стояли напитки.

Джейкоб Тэвернер сидел на подлокотнике кресла у камина, держа в руке стакан виски с содовой. Все кузены были в сборе, среди них стоял и мистер Фогарти Каstell, источающий аромат сигар и чрезвычайное удовлетворение по поводу счастливого воссоединения родственников его жены. Джереми и Джейн едва успели поздороваться с Джейкобом, как Фогарти взял их обоих за руки.

– Капитан Тэвернер, мисс Хирон, я даже не могу выразить, как я счастлив! Родственники моей жены – это мои родственники. Ах, нет, не для того, чтобы им навязываться, вы же понимаете. Нет, нет, нет, нет, тысячу раз нет, но для того, чтобы приветствовать вас, обслуживать, развлекать, предложить гостеприимство этого дома. Что вы выпьете, мисс Хирон, капитан Джереми, по такому благоприятному поводу? Вы гости нашего друга мистера Тэвернера, так что все за счет заведения. Виски с содовой, розовый джин, коктейль? Я делаю очень хороший коктейль. – Он хрипло рассмеялся. – Есть один коктейль, который я называю «Мечта контрабандиста». Вы его попробуете, да? Пожалуйста! Очень подходяще, как считаете – раз уж здесь было отличное прибежище контрабандистов сто лет назад. Это шутка. Я вам кое-

что скажу, друзья. Если у вас темное прошлое, не скрывайте его; сделайте его отличительной чертой. Вот ваши «Мечты контрабандиста». Что касается моей жены, вашей кузины Энни, в данный момент приношу свои извинения. Нам очень не хватает рук, так что она на кухне. Ах, какая она повариха! Какая удача жениться на женщине, которая готовит как Энни Кастелл! Неудивительно, что я ее обожаю!

Он обратился через плечо к Люку Уайту:

– Где эта Айли? Быстро пришли ее ко мне! Дамы скоро пожелают подняться в комнаты. Где она?

– Вышла, хозяин.

– Вышла? Зачем это она вышла?

– Миссис Кастелл послала ее за чем-то.

Джереми и Джейн стояли позади и наблюдали. Круглое сияющее лицо Фогарти со смуглой кожей и маленькими блестящими глазками искажилось, словно пейзаж, на который обрушилась буря, – его залила краска гнева. Толстое тело с брюшком, легко балансировавшее на маленьких ногах в отличной обуви, напряглось. Вид у него был такой, словно он вот-вот выкинет какую-нибудь дикость: взвизгнет, прыгнет, закричит, швырнет на пол стакан и раздавит каблуком. И тут же это выражение исчезло. Круглое лицо снова засияло, в голосе звучало добродушие и странная смесь акцентов.

– Ах, моя жена Энни! Никто не может обладать всеми добродетелями сразу. Она художник, а художник не думает заранее; он не планирует, не говорит: «Я сделаю то или это». Он ждет вдохновения, а когда оно приходит, он должен иметь то, что ему нужно для создания шедевра. Энни, без сомнения, посетило вдохновение.

Он выскочил из комнаты.

Джейн стало немного жаль Энни, однако этот миг, предвещавший бурю, не слишком ее озаботил. Она увидела, что Джереми подошел и заговорил с Флоренс Дьюк, а ею завладела Мэриан Торп-Эннингтон.

– Джейн... Вы ведь Джейн, верно? У меня ужасная память на имена.

– Да, Джейн Хирон.

Леди Мэриан задумчиво смотрела на нее.

– А мужчина, с которым вы пришли?

– Джереми Тэвернер.

– Вы замужем за ним? Или в разводе, или еще что-нибудь? Я хочу сказать, что гораздо лучше знать такие вещи сразу, чтобы не ляпнуть чего не следует и всегда в самый неподходящий момент. Я вечно попадаю в такие ситуации, и беднягу Фредди это ужасно злит. Ах, вы же с ним еще не знакомы? Фредди, это моя кузина Джейн Хирон.

Фредди Торп-Эннингтон с траурным видом опирался на каминную полку, потягивая коктейль «Мечта контрабандиста» – явно не первый. У него было смутное впечатление (он достиг стадии, когда все впечатления становятся смутными), что мир полон родственников и кредиторов и что неплохо было бы положить голову кому-нибудь на плечо и разрыдаться. Это был русоволосый мужчина небольшого роста, в трезвом состоянии очень славный и доверчивый. В настоящий же момент было совершенно очевидно, что он не в состоянии поддержать разговор, поэтому Джейн подошла и села рядом с Джейкобом Тэвернером.

– Итак, вы приехали, – сказал он.

– Да.

– Джереми не хотел, чтобы вы приезжали.

– Нет.

– Что же вас заставило передумать?

– Кузены.

– И сто фунтов?

- Да.
- Сделаете все что угодно ради ста фунтов?
- Нет. Только разумные вещи, – покачала головой Джейн.
- Такие как?..
- Как приехать сюда.

Он сухо усмехнулся.

- Но ничего больше?

Она взглянула на него. Взгляд ее был одновременно спокойным и улыбающимся. Словно ребенок, который перед купанием пробует голый ножкой воду, проверяя, насколько она холодна. «Она зашла бы чуть дальше, если бы испытала соблазн», – подумал он и добавил:

- Ну что ж, поговорим о чем-нибудь другом.
- О чем же мы будем говорить?
- О вашем деде, Эктсе Тэвернере. Насколько хорошо вы его знали в действительности?

Джейн ответила рассудительно:

- Я жила с ним.

Что-то в ее голосе говорило: «Я его любила», хоть она и не произнесла этих слов вслух. Джейкоб был сообразителен. Он кивнул.

- Рассказывал он вам когда-нибудь про это место?

- Да, много.

- А что именно? Может, вы мне расскажете что-нибудь?

Он почувствовал, что Джейн отодвинулась.

- Почему вас это интересует, кузен Джейкоб?

Он снова усмехнулся.

– Ну, я отошел от дел, надо же мне чем-то заниматься. Может, мне хочется записать все, что я смогу разузнать об этом старом семейном доме. Хорошая получилась бы книжка. Так что вам рассказывал Эктс?

Она ответила без колебаний:

– Он говорил, что в давние времена тут много занимались контрабандой, продолжалось это и при его отце. Он рассказывал мне, как им удавалось перехитрить таможенников.

Джейкоб кивнул.

– Таких дел было много в восемнадцатом веке и даже во времена королевы Виктории. На этом побережье выгружали кружева, шелка и французский бренди.

- Как они это делали?

Все это время она сидела в кресле, а Джейкоб сидел на подлокотнике и смотрел на нее сверху вниз. Он склонил голову набок и спросил:

- Разве дед вам не рассказывал?

Джейн посмотрела по сторонам. Все оживленно беседовали, за исключением Фредди Торпа-Эннингтона, который подпирал камин и пристально глядел в пустой бокал, словно медиум в хрустальный шар. Что бы он там ни увидел, результат был неутешительный. Похоже, он погрузился в уныние, временами понуро качая головой.

Джейн понизила голос:

- Он говорил что-то про проход, который вел от берега...

- И что же именно?

– Он говорил, что никто не мог его найти, если не знал дороги. Говорил, что это совершенно сбивало с толку досмотрщиков еще в восемнадцатом веке.

- И еще долгое время спустя. Становится интересно. Продолжайте.

Джейн округлила глаза.

- Больше нечего рассказывать.

- Разве дед не говорил, куда выходил этот проход?

– На берег.

– А со стороны суши? Он не рассказывал?

– Я думаю, он не знал. Детям этого не говорили.

Джейкоб хихикнул.

– Вы удивитесь, сколько могут знать дети, которым чего-то не говорят. Вы уверены, что он вам не рассказывал?

Джейн мило улыбнулась.

– Я думаю, он вообще придумал большую часть. Он рассказывал мне истории каждый вечер, когда я укладывалась спать. Иногда про драконов, иногда про пиратов, а иногда про контрабандистов. Конечно, было гораздо интереснее, если истории опирались на реальное место, такое как «Огненное колесо».

Дверь отворилась, и в комнату ворвался Фогарти Кастелл. Он вел девушку, держа ее за плечо, – ту, что шла по дороге с Джоном Хиггинсом. Сейчас, без шерстяного пальто и платка на голове, было видно, что у нее стройная фигура и густые темные волосы, собранные в пучок на затылке. Обрамленные черными ресницами испуганные глаза были такого же темно-синего цвета, что и ее домашнее платье. Она была очень красива, но сейчас весьма бледна. Не отпуская ее плечо, Фогарти Кастелл подвел ее к леди Мэриан, к Флоренс Дьюк, к Милдред Тэвернер.

Джейкоб допил виски и сухо заметил:

– Заполняет собой всю комнату, верно? Он немного фигляр, муженек нашей кухни Энни. Но почему бы и нет? Ему это доставляет гораздо больше удовольствия, чем нам неудобств. Наполовину ирландец, наполовину португалец, и под всей этой шелухой – весьма умелый управляющий. Он идет к нам.

Кастелл подошел, картинно размахивая руками:

– Это Айли Фогарти, четвероюродная внучка моей бабушки Фогарти, но меня она зовет дядей, а вашу кухню Энни – тетей, поскольку у нее нет ни других дядюшек или тетюшек, ни матери или отца. И если вам или другим дамам что-то понадобится, звоните в колокольчик, и Айли этим займется. Или если вы хотите подняться в свою комнату...

Джейн неожиданно почувствовала, что ей уже хватило общества Джейкоба Тэвернера. Она сказала: «Да, хочу» и увидела, что страх в глазах Айли сменило облегчение. Она подумала: «Она боялась, что я скажу, что уже видела ее сегодня». Джейн встала с кресла и прошла через комнату. Когда дверь за ними закрылась и они стали подниматься по лестнице, Айли торопливо прошептала:

– Вы не сказали, что уже видели меня.

Джейн покачала головой.

– Вам разве нельзя встретиться с Джоном Хиггинсом?

– Нет, нет, нельзя.

– Почему?

Они стояли на квадратной лестничной площадке. Справа к ней вел боковой коридор с четырьмя неровными ступеньками и дверями по обеим сторонам, а второй коридор вел налево – две ступеньки вверх, а дальше две ступеньки вниз. Все это сбивало с толку.

Айли повернула в правый коридор, поднялась по ступенькам и открыла дверь, за которой оказалась большая мрачная ванная комната с потертым коричневым линолеумом на полу и крашеной викторианской ванной. Ванна была покрыта большими пятнами ржавчины и отделана широким бордюром из красного дерева.

– Я приготовила вам маленькую комнату неподалеку. Леди Мэриан с мужем в комнате дальше по коридору, а комнаты капитана Джереми, миссис Дьюк и мисс Тэвернер – напротив.

Она отодвинулась, пропуская Джейн в маленькую комнату, почти полностью занятую огромной двуспальной кроватью. Как и ванная, она освещалась масляной лампой, распространявшей приятный запах. Однако вид у комнатухи был отталкивающий. Обшарпанный комод

горчичного цвета, на нем тусклое зеркало, два стула, старый умывальник – вот и вся мебель. В маленьком тазу стоял огромный цветастый кувшин. Полдюжины хлипких крючков за ситцевой занавеской были единственным приспособлением для развешивания одежды. Узор на ковре давно стерся от возраста и грязи.

Айли закрыла дверь и сказала:

– Это совсем неподходящее место для вас. Джон велел вам это передать.

Джейн и сама настолько сильно это ощущала, что слова Айли подействовали на нее очень сильно. Она прогнала мимолетную мысль о ста фунтах и сказала с живостью:

– Но ведь вы же здесь. В чем же разница?

Айли ответила приятным и печальным голосом:

– Ему не нравится, что я здесь.

– Так почему вы не уйдете?

– Я не могу оставить тетю Энни. – Она помолчала и тяжело вздохнула: – Я бы не осмелилась. Он заставил бы меня вернуться.

И прежде чем Джейн смогла что-то сказать, она открыла дверь, беззвучно выскользнула из комнаты и исчезла.

Глава 9

Джейн вытирала руки, когда в дверь постучали. Едва она сказала: «Войдите!», как в комнату вошел Джереми. Он закрыл дверь, подошел к ней совсем близко и сказал:

– Я не буду переодеваться. Ты, полагаю, наденешь платье?

– Да, я подумала, что так будет лучше.

– Хорошо, поторопись. На полпути вниз есть маленькая комнатка, я подожду тебя там.

Не трать слишком много времени на макияж – ты хороша и так.

И он ушел. Джейн повесила костюм на два крючка за занавеской, поправила макияж, надела серое платье с причудливым узором из розовых завитушек, тянувшимся вниз от левого рукава, и спустилась в маленькую комнату на средней площадке лестницы. Джереми метался там, словно гиена в клетке.

– Ну почему женщинам нужен целый час на самые простые вещи?

– Милый, неправда. В чем дело?

– Что именно?

– К чему эта тайная встреча?

– Мне нужно было тебя увидеть.

– Ты меня видишь.

– Джейн, о чем ты говорила с Джейкобом Тэвернером?

– Об историях, которые дедушка рассказывал мне на ночь.

– Что ты ему рассказала?

– Что среди них была история про тайный проход от берега.

– А он существовал?

Джейн кивнула.

– И что сказал Джейкоб?

– Хотел знать, куда этот проход приводил со стороны суши. Я сказала, что считаю, что дедушка этого не знал, и сбежала. А потом пришла Айли с Кастеллом.

Джереми сказал:

– Послушай, он расспрашивал меня о том же. Рассказывал ли мне дед истории про это место, и если рассказывал, то что именно.

– Что ты ответил?

– Напустил густого тумана.

Она понизила голос до шепота:

– А что рассказывал твой дед?

– Много всякого. А твой?

– Об этом нельзя болтать.

– Ты не собираешься рассказать?

– Только если ты тоже расскажешь, но не здесь и не сейчас.

– Почему?

Они стояли совсем рядом, его рука почти обнимала ее. Теперь он, нахмурившись, ото-двинулся.

– Потому что мне не нравится это место. Тебе нельзя здесь находиться.

– Джереми!

– Джейн, нам надо убираться отсюда завтра же. Нам вообще не надо было приезжать.

– Да, милый, ты уже говорил все это раньше. Ты знаешь, у меня такое чувство, что мне это может надоест, если ты не прекратишь.

Он помрачнел.

– Есть вещи и похуже, чем это. Если я когда и видел мерзавца, так это Люк Уайт. Управляющий Каstell – отвратительный хам, а эта девушка Айли, похоже, до смерти напугана. Не знаю, что за дела здесь творятся, но завтра мы уезжаем.

Джейн открыла дверь и вышла. У Джереми были все задатки тирана и деспота, и она не собиралась позволять ему обращаться с собой как с тряпкой. Она сказала: «До свидания, милый» и стала ждать Флоренс Дьюк, которая как раз спускалась по лестнице. Когда они приехали, она увидела ее лишь мельком и еще тогда подумала, что у нее странный цвет лица. Она, конечно, не могла быть бледной, но густой румянец на ее щеках имел какой-то лиловатый оттенок. Сейчас на ней было невероятное платье из ярко-красного шелка, украшенное розовыми и зелеными пятнами. Оно было тесновато и коротковато и явно видело лучшие дни. Пока они вместе спускались по лестнице, их окутало облако сильного едкого запаха. Джейн как раз подумала, что уж лучше бы пахло керосином, когда Флоренс еле слышно спросила:

– Я хорошо выгляжу?

Джейн оглядела неопрятные тяжелые волосы, чрезмерный макияж, платье, туфли с безкусными пряжками и дала единственно возможный ответ:

– О да.

Сама она не сочла бы свой ответ убедительным, но Флоренс он вполне удовлетворил. Она положила ей на плечо большую грубую руку с ярко накрашенными ногтями и своим глубоким голосом сказала еще тише:

– Со мной случилось ужасное.

– Что именно? Чем я могу вам помочь?

Флоренс покачала головой:

– Никто ничем не поможет. Так всегда, когда оказываешься в затруднительном положении. Ты сам в него попадаешь, и тебе, черт подери, надо самой выпутываться – никто не делает это за тебя.

Она стояла на предпоследней ступеньке и слегка покачивалась. «Боже, зачем я приехала! – подумала Джейн. – Она напилась. Вечеринка точно будет веселой...»

Флоренс смотрела на нее трагическим взглядом и покачивалась. Джейн торопливо сказала:

– Эти коктейли очень уж крепкие. Мы почувствуем себя гораздо лучше, когда чего-нибудь поедим. А вот и гонг звонит. Пойдемте посмотрим, как готовит кухня Энни.

Столовая располагалась напротив гостиной. Темные панели заканчивались в футе от потолка с массивными перекрещивающимися балками. Над похожим на пещеру очагом высилась широкая кирпичная каминная труба. На ней в беспорядке висели трофеи в виде кремневых ружей, штыков и тяжелых ножей с рукоятками из рогов. Длинный стол был покрыт грубой льняной скатертью. Посередине узкой столешницы стояла высокая пивная кружка с ветками хвои. В остальном сервировку можно было описать как весьма эклектичную: тут и там лежали тяжелая серебряная ложка или вилка среди дешевых посеребренных, старые ножи с наполовину стершимися лезвиями: современные стаканы из тончайшего стекла стояли вперемешку с полудюжиной старинных резных бокалов. Стулья тоже были самые разные: с плетеными сиденьями, резные деревянные, простые кухонные. Стол был накрыт на девятых, во главе его на массивном старинном стуле с резными львиными головами восседал Джейкоб Тэвернер. С центральной балки свисала лампа, в островке света которой и находился стол и собравшиеся вокруг него люди.

Гости заняли свои места: Мэриан Торп-Эннингтон по правую руку от Джейкоба, Флоренс Дьюк по левую; Джеффри Тэвернер за леди Мэриан, затем Джейн; Джереми – напротив Джейкоба в другом конце стола, справа от него Фредди Торп-Эннингтон; за ним Милдред Тэвернер; между нею и Флоренс Дьюк осталось пустое место, предназначенное, по всей видимости, для Эла Миллера.

Люк Уайт подал им суп в странных разномастных тарелках, и после первой же ложки Джейн поняла, что Фогарти Кастелл не напрасно хвастался стряпней их кухни Энни: суп был просто восхитительным. Она озабоченно посмотрела через стол, чтобы проверить, ест ли Флоренс, и с большим облегчением увидела, что ест. Если остальной обед будет так же хорош, как суп, то о «Мечте контрабандиста» можно больше не беспокоиться.

Когда она перевела взгляд, то с беспокойством заметила, что Фредди Торп-Эннингтон даже не взял в руку ложку. Она пихнула Джереми ногой, но леди Мэриан уже обращалась к мужу через стол:

– Фредди! Фредди, дорогой, суп просто чудесный! Джереми – вас ведь так зовут? – пожалуйста, заставьте его попробовать.

Фредди глядел на нее стеклянными глазами. Было очевидно, что он пытался прибегнуть к отрезвляющему действию холодной воды: его русые волосы блестели от влаги в свете лампы. Было так же очевидно, что это средство не помогло. Он раскачивался на стуле, а когда жена вновь обратилась к нему с тем же призывом, он очень медленно и отчетливо произнес единственные два слова, которые от него услышали:

– Чушь... Воды...

В этот момент дверь открылась, и вошел Эл Миллер. Он нашел время, чтобы снять форму носильщика, и был одет в тот же костюм, в котором приезжал в контору Джона Тейлора. К сожалению, было заметно, что он нашел время, чтобы пропустить пару стаканчиков. Он не выглядел пьяным, но явно был в приподнятом настроении и готов стать душой компании. Поприветствовав Джейкоба через всю комнату взмахом руки и словами «Здорово, Джейк!», он хлопнул Джереми по спине, бросил остальным: «Всем добрый вечер», проследовал к пустующему месту, опершись на спинку стула Милдред Тэвернер, и назвал Флоренс Дьюк «уточкой»⁸. После чего шумно и с удовольствием принялся за суп.

Джейн подумала про себя: «Нет, это и вправду будет совершенно ужасный вечер». И тут же чуть не рассмеялась, потому что Милдред Тэвернер совершенно оцепенела, оказавшись между Элом и Фредди. Она сидела, крепко прижав локти к бокам, и ела нехотя, с сосредоточенно-аристократическим видом.

Суповые тарелки убрали, Фогарти Кастелл с ужимками достал завернутую в салфетку бутылку шампанского и наполнил бокал леди Мэриан. Пока он обходил стол, Джейн увидела, как Флоренс Дьюк подняла и осушила свой бокал, а ее примеру тут же последовал Эл Миллер. Мисс Тэвернер отпила крошечный глоток и вернулась к медленному поеданию горошка.

– Фредди... – произнесла Мэриан Торп-Эннингтон глубоким, берущим за душу голосом.

Фредди снова заговорил. Тщательно разделяя слова, он спросил:

– В – чем – дело?

– Мой милый, ты ведь знаешь, что от шампанского у тебя несварение.

Он торжественно покачал головой:

– Вовсе – нет.

– Фредди, тебе будет нездоровиться.

– Абсолютно.

С серьезным и целеустремленным видом он поднял бокал и осушил его. Леди Мэриан сказала: «Ну вот, сейчас он потеряет сознание» и, похоже, утратила к нему всякий интерес.

Джейн беседовала с Джефффри Тэвернером. Беседа была очень скучная – он рассказывал про вещи, которые продает во время своих разъездов, а его сухая и точная манера выражаться никак не оживляла эту тему.

– У нас есть стиральная машина, про которую я без колебаний могу сказать, что она на двадцать пять процентов лучше, чем любая другая; газовая стоит одиннадцать фунтов семь

⁸ Эл искажил фамилию Дьюк, используя слово duck.

шиллингов и шесть пенсов, электрическая – тринадцать фунтов десять шиллингов, и это, как вы понимаете, существенно ниже по сравнению со стандартной стоимостью.

В этот момент внимание Джейн переключилось на Джейкоба Тэвернера; она услышала, как он спрашивает Флоренс Дьюк: «Разве он не говорил вам, куда ведет проход?» Сказано это было вполголоса, и она понятия не имела, как смогла разобрать эти слова в гуле голосов. Но она их услышала. Она почувствовала, что они проникают в ее мозг, словно маленькие круглые льдинки, неведомо как и зачем. Джейн ощутила холод и потерянную.

Она вернулась к беседе с Джеффри Тэвернером, который теперь рассказывал что-то про приспособление, моющее за вас посуду, а Фогарти Кастелл вновь обносил всех шампанским. Ее бокал стоял нетронутым, и когда Кастелл подошел к ней, она попросила воды. Джеффри все это время говорил:

– «Вдвое меньше труда, вдвое больше удовольствия». Как думаете, хороший будет рекламный лозунг? Или, может, так: «Вы устраиваете вечеринку, мы моем посуду». Который из двух привлечет бы ваше внимание и заставил бы вас еще раз взглянуть на рекламу?

– Ну, наверное, тот, что про вечеринку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.